№ 46. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Цѣна 20 к.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

11 Декабря. ГОДЪ ИЗДАНІЯ Iый 1916 г.

Пріютъ для бѣженцевъ въ Кизлярѣ.

МОСКВА.

на еженедѣльный общественно-политическій и литературный журналъ, посвященный вопросамъ армянской жизни,

„АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

издаваемый въ Москвѣ Ив. Т. Амировымъ, при ближайшемъ участіи А. К. Дживелегова.

„Армянскій Вѣстникъ" былъ основанъ съ цѣлью укрѣпить знакомство русскаго общества съ Арменіей и армянами.

Въ настоящее время послѣ года изданія, можно повидимому, признать, что цѣль эта достигается. Непрерывный ростъ интереса къ журналу какъ въ армянскомъ, такъ и въ русскомъ обществѣ, участіе въ немъ лучшихъ литературныхъ силъ, русскихъ и армянскихъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что журналъ сумѣлъ отвѣтить очень серьезной потребности. Черпая силы въ этой поддержкѣ со стороны общества, редакція будетъ и впредь проводить въ журналѣ взгляды, которые она проводила раньше и которые, какъ она надѣется, въ главномъ раздѣляются и русской и армянской интеллигенціей.

Въ теченіе 1916 г. въ журналѣ принимали участіе: Агабабовъ Р. А., А—До, Адамовъ М., Аджемовъ Х. С., Азнаурянъ Ар., Азьянъ М. К., Алавердянъ Т., Акопянъ С., Аракелянъ А. Б., Араумановъ М., Арутюнянъ Е. А., Атабековъ А. И., Атрпетъ, Ахумянъ Т., Бабіянъ С., Бакузани, Барановскій Я., Свящ. Бекгулянъ Р., Брюсовъ В. Я., ген. Бурскій П. М., Бурышкинъ П. А., Варандянъ М., Ведребисели Д. К., Верховскій Юр., акад. Веселовскій Ал. Н., Веселовскій Ю. А., Врацiанъ С., Вячеславъ Ивановъ, Городецкій С., Давыдкинъ Д., Девоянъ Т., кн. Долгоруковъ П. Д., Евангуловъ Г. Г., Егіазаровъ А. И., Енгибарянъ Р., Заровъ Сергѣй, Кара-Дарвишъ, Кара-Мурза С. Г., проф. Кизеветтеръ А. А., Кирѣева М., Костанянцъ К., Косоянъ Г., проф. Котляревскій С. А., Кротковъ С., ген. Кулебякинъ А., Кучукъ-Іоаннесовъ Х. И., Кушлю Ал., Ледницкій А. Р., Лео, Макарянъ А., Макинціанъ П., Мдфедловъ А. З., Меликъ-Арустамянъ М., Меликъ-Степанянъ С., Микаэлянъ К., Мицинскій Тадеушъ, Обнинскій В. П. (†), Овакимянъ В., Огановскій Н. П., чл. Гос. Думы Панаджановъ М., Папазянъ В., Петросянъ П., Пираловъ А., Пирвердіевъ С., Поповъ А., Реулло Н., Рстакіанъ І., свящ. Сарикянъ А., Саянскій К., Сибирскій Ф., Сирумянцъ П., Сологубъ Ф., Сырейщикова Е., Сюникъ, Тааэ Маріамъ, Тамаринъ А., Теръ-Григорянъ О., Теръ-Захарянъ Е., Терлемезянъ П., Теръ-Ованесянъ С., проф. Тотоміанцъ В. Ѳ., кн. Тумановъ Г. М., кн. Тумановъ К. М., Туманянъ А., Халатовъ Л. Г., Ханазатъ Р., Чалхушянъ Гр., Чубаръ Г., Цатуріанъ Ал. І., Шарти, Шахатунянъ А., Шермазановъ Г. Ш., чл. Гос. Думы Щепкинъ Н. Н., Яблоновскій С. В., Явицкій В. І.

Подписная цѣна:

На 12 мѣс.—8 р. На 3 мѣс.—3 р.
„ 6 „ —5 „ „ 1 „ —1 „

Цѣна отдѣльнаго номера—25 коп.

За перемѣну адреса—40 коп. ЗА ГРАНИЦУ—ВДВОЕ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

СТРОКА ПЕТИТА: впереди текста—50 коп., позади текста—30 коп. Ширина стр. 4 колоны. Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи и всѣми конторами по пріему объявленій въ Россіи.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„Армянскій Вѣстникъ"

Москва, Остоженка, 2-й Ильинскій пер., д. 3. Телеф. 3-85-69.

Редакторъ-издатель Иванъ Томасовичъ АМИРОВЪ.

№ 46. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1916 г.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 46.

Къ нашимъ подписчикамъ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала съ 1-го января, контора «Армянскаго Вѣстника» проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПОДПИСКИ НА БУДУЩІЙ ГОДЪ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, а слѣдовательно, и о немедленной высылкѣ подписной платы, такъ какъ поступленіе большого количества требованій въ концѣ декабря сильно затормозитъ ихъ выполненіе.

Москва, 11-го декабря.

Въ нумерѣ 44-мъ «Армянскаго Вѣстника» было напечатано письмо батумскаго городского головы Е. М. Криницкаго къ коменданту М—ской крѣпости, генералу Б., съ изложеніемъ прискорбнаго инцидента, происшедшаго съ гласнымъ батумской городской думы А. О. Мндояномъ. «Мирному, всѣми уважаемому гражданину», какъ аттестуетъ г. Мндояна батумскій городской голова, было нанесено тяжелое оскорбленіе словами и дѣйствіемъ нѣкимъ подполковникомъ Сусловымъ.

Не этотъ, однако, самъ по себѣ прискорбный фактъ придаетъ инциденту Мндоянъ—Сусловъ его специфическую окраску. Оскорбленіе словами и дѣйствіемъ есть поступокъ, караемый уголовными законами. Грустно, конечно, что такой поступокъ совершенъ лицомъ, имѣющимъ честь принадлежать къ офицерскому составу нашей доблестной арміи. Но не это самое грустное.

Подполковникъ Сусловъ, оскорбляя гласнаго Мндояна, бросилъ оскорбленіе въ лицо всему армянскому народу.

Что дало поводъ подп. Суслову сказать то, что онъ сказалъ, неизвѣстно. Какъ офицеръ кавказской арміи, онъ долженъ былъ знать лучше, чѣмъ кто-либо другой, что армяне не только осуществляютъ сполна свой гражданскій долгъ, проливая свою кровь въ рядахъ русскихъ войскъ, но еще выставили изъ

своей среды нѣсколько добровольческихъ отрядовъ, принесшихъ русской арміи большую пользу: объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ отзывовъ начальниковъ войсковыхъ частей, къ которымъ армянскіе добровольческіе отряды были причислены. Для подп. Суслова все это, очевидно, не имѣетъ никакого значенія. Мы не знаемъ, какими подвигами ознаменовалъ свою службу самъ подп. Сусловъ. Но если даже такіе подвиги и украшаютъ его боевую карьеру, это не давало ему права такъ отзываться объ армянскомъ народѣ.

Съ общественной точки зрѣнія именно въ томъ и заключается самое прискорбное, что оскорбленіе нанесено офицеромъ русской арміи. Рядовой обыватель вѣдь не разсуждаетъ. Онъ услышитъ, что офицеръ, не юный, судя по чину, публично назвалъ армянъ именами позорящими. И обыватель, съ присущей ему стремительностью въ заключеніяхъ, рѣшитъ, что значитъ это и такъ и есть.

Вотъ въ чемъ заключается серьезность инцидента. Вотъ, что заставляетъ армянскій народъ требовать самаго серьезнаго удовлетворенія.

И неужели голосъ русскаго офицерства не осудитъ эту дикую выходку, принявъ во вниманіе указанное обстоятельство?

Армянское общество не можетъ оставить нанесеннаго ему оскорбленія безъ самаго пламеннаго протеста. Батумскій биржевой комитетъ постановилъ довести о поступкѣ подп. Суслова до свѣдѣнія Государственной Думы. Депутатъ Чхенкели уже извѣщенъ о немъ. Долгъ органовъ армянскаго общественнаго мнѣнія — присоединиться къ тому методу дѣйствія, который усвоилъ себѣ батумскій биржевой комитетъ. Необходимы обращенія къ Государственной Думѣ. Но не только это необходимо. Нужно, чтобы всѣ вліятельныя армянскія общественныя организаціи принесли жалобу какъ военному министру, такъ и главнокомандующему кавказской арміей.

Подп. Сусловъ долженъ быть преданъ суду и долженъ понести ту кару, которую онъ заслужилъ своимъ поступкомъ.

Армянское общество должно получить это удовлетвореніе.

Русскій профессоръ объ экономическомъ будущемъ Арменіи.

Въ № 8 «Новаго Экономиста» редакторъ журнала, петроградскій профессоръ Мигулинъ пишетъ объ экономическомъ будущемъ Ближняго Востока. Заслуженно восхищаясь природными богатствами Арменіи, ученый-журналистъ легко и просто разрѣшаетъ мучительный для армянъ вопросъ о грядущей судьбѣ Турецкой Арменіи. Читателямъ (а читатели у профессора люди вліятельные въ петроградскихъ правящихъ кругахъ) сообщается, что страна была во власти экономически отсталыхъ турокъ, не развившихъ добывающей и обрабатывающей промышленности, сохранившихъ въ полудремѣ и глубоко запрятанными въ нѣдра земли несмѣтныя минеральныя, рудныя и нефтяныя богатства края. Указывая на выселеніе коренныхъ жителей-армянъ вслѣдствіе войны, на массовое уничтоженіе и уводъ турками,—почтенный профессоръ мелькомъ говоритъ о тѣхъ тысячахъ, что нашли пріютъ въ Россіи и, вѣроятно, вернутся, и переходитъ прямо къ своему проекту: заселить эту богатую землю военными переселенцами, нарѣзать имъ землю, дать ссуды и матеріалы для начала хозяйства и использовать такимъ образомъ доставшееся Россіи земельное угодье.

Переселенцы—инвалиды-солдаты и крестьяне средней полосы Россіи—размѣстятся съ удобствами, на родинѣ невиданными, и у русскихъ помѣщиковъ исчезнутъ опасенія возможныхъ требованій крестьянъ и рабочихъ, отдавшихъ войнѣ свое здоровье и, какой былъ, матеріальный достатокъ. Они получатъ компенсацію въ формѣ прирѣзки земли, принадлежащей армянамъ и туркамъ, и выдачи ссудъ на возстановленіе хозяйства, разрушающагося долгимъ отсутствіемъ настоящихъ «хозяйскихъ рукъ». На опасной же границѣ будетъ надежный оплотъ—колонатъ XX вѣка—гарантія руссификаціи края и укрѣпленія завоеванной области за побѣдителемъ.

Авторъ предупредительно заявляетъ, что пора бросить говорить о защитѣ интересовъ малыхъ народовъ и нужно подумать о себѣ.

Понятіе же «о себѣ» онъ откровенно свелъ къ проекту вытѣсненія исконныхъ владѣльцевъ Арменіи—армянъ и раздачи ихъ земель русскимъ поселенцамъ. Въ тяжелую годину насъ спасаетъ вѣра въ скорый конецъ страданій. Умъ успокаиваетъ слабое тѣло, страдающее отъ нужды, невзгодъ и униженій, укрѣпляя жажду жизни желаніемъ поскорѣе достигнуть завоеваннаго пережитыми муками лучшаго существованія. Разоренные, потерявшіе своихъ близкихъ, голодая, люди вѣрятъ въ близкій возвратъ былого благосостоянія, при новой обстановкѣ жизни въ странѣ, освобожденной отъ губительной власти турокъ. Развѣ не эти мысли, не эта фанатическая вѣра двигаетъ и толкаетъ до сихъ поръ маленькій народъ на героическія жертвы, дѣлаетъ его стойкимъ, энергичнымъ и приковываетъ къ жизни, ставшей сплошнымъ кошмаромъ.

Но является профессоръ Мигулинъ и авторитетно заявляетъ на столбцахъ научно-политическаго журнала, что надо отнять у маленькаго армянскаго народа его большую вѣру и богатую землю, смоченную за сотни лѣтъ кровью мучениковъ-армянъ.

Слова злыя, слова жадности безсердечной пролило перо г. Мигулина, и черными, какъ типографская краска, ихъ изображавшая, повѣяло отъ нихъ мыслями. Могильный мракъ для цѣлаго народа, которому въ острый, тяжкій моментъ его жизни изъ цен-

тра правящей Россіи громкій и увѣренный въ своей правотѣ голосъ прокричалъ: «Оставьте тщетныя надежды, армяне,—васъ раздавила война, вы перестали быть народомъ, остались людьми, съ которыми не считаются, которые сами найдутъ себѣ пристанище». И прекрасную, какъ сказку, Арменію, рожденную армянами и родившую армянъ, въ теченіе вѣковъ первымъ свѣтомъ освѣщавшую «колыбель человѣчества», профессору Мигулину угодно превратить въ завоеванную область—достояніе завоевателей.

Какъ взрослые должны бережно относиться къ дѣтямъ и щадить ихъ чуткую душу и неокрѣпшій организмъ, такъ великія державы,—поднявшія мечь во имя защиты угнетенныхъ малыхъ народностей,—не должны бы пользоваться въ ущербъ имъ своимъ могуществомъ.

Нѣтъ,—не Россія говоритъ словами Мигулина. Мы вѣримъ попрежнему въ скорый конецъ страданіямъ народа, въ его будущее и ждемъ хорошихъ, настоящихъ дѣлъ отъ матушки Руси.

Р. Агабабовъ.

Двѣ русскихъ поэмы изъ армянской исторіи.

...Старинная книжка, внѣшній видъ которой—бумага, шрифтъ, рисунокъ на заглавномъ листѣ—сразу напоминаетъ объ отдаленной эпохѣ... Это—«Двѣ повѣсти въ стихахъ, почерпнутыя изъ древнихъ армянскихъ лѣтописей», произведеніе забытаго теперь писателя Сергѣя Глинки. Книга помѣчена 1831 годомъ и напечатана была въ типографіи «Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ». Цензурное разрѣшеніе, содержащее въ себѣ обычную тогда формулу: «Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ цензурный комитетъ три экземпляра», подписано авторомъ «Семейной Хроники», С. Т. Аксаковымъ. Глинка посвятилъ свои «повѣсти въ стихахъ», какъ «усерднѣйшее приношеніе», главному начальнику Лазаревскаго института, знаменитому шефу жандармовъ Бенкендорфу, сыгравшему такую печальную роль въ жизни Пушкина, какъ и вообще въ жизни русскаго общества того времени... Если «повѣсти въ стихахъ» были дѣйствительно прочитаны Бенкендорфомъ,—интересно, какъ онъ отнесся къ тѣмъ выраженіямъ сочувствія армянскому народу и дѣлу его освобожденія, которыя встрѣчаются мѣстами въ этихъ произведеніяхъ плодовитаго и преисполненнаго подчасъ лучшихъ намѣреній редактора «Русскаго Вѣстника» и автора знаменитыхъ Записокъ о 1812 годѣ.

Двумъ поэмамъ Глинки—«Гайкъ, первый побѣдитель завоевателя» и «Ардоатъ или Адоадъ, спаситель Арменіи и отечества»—предпослано особое «предувѣдомленіе», въ которомъ, приводя слова Цицерона: «Исторія есть свидѣтельница временъ, свѣтъ истины, жизнь памяти и наставница нравовъ», авторъ признаетъ всѣ эти качества за армянской исторіей, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе, что «у насъ существуютъ одни блѣдные отблески лѣтописей армянскихъ». Въ частности, по отношенію къ исторіи Моисея Хоренскаго, Глинка высказываетъ пожеланіе, чтобы она переведена была полностью на русскій языкъ, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «Исторія Армянская предлагаетъ ту нравственность, которую Тацитъ называетъ душой лѣтописей, и лица, увѣнчавшіяся любовью къ человѣчеству и устроеніемъ общаго блага». Возникновеніе двухъ «повѣстей» авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ это время онъ былъ занятъ «обозрѣніемъ исторіи армянской». Можно пожалѣть о томъ, что въ этомъ случаѣ онъ ограничивается краткими указаніями, не сообщая болѣе подробныхъ свѣдѣній о томъ, какими пособіями онъ пользовался, изучая прошлое Арменіи вообще.

Что касается двухъ поэмъ Глинки, то, напримѣръ, первая всецѣло навѣяна изученіемъ Моисея Хоренскаго. Является вопросъ, какой переводъ «Исторіи Арменіи» могъ быть въ рукахъ у автора? Весьма вѣроятно,—латинскій, выпущенный еще въ 1736 году въ Лондонѣ братьями Вилліамомъ и Джорджемъ Вистонами, или сдѣланное, очевидно,—какъ отмѣтилъ еще Н. О. Эминъ,—съ этого же перевода русское переложеніе, вышедшее изъ-подъ пера архидіакона Іоаннисьяна и появившееся въ 1809 году подъ заглавіемъ: «Армянская исторія, сочиненная Моисеемъ Хоренскимъ; перевелъ архидіаконъ Іосифъ Іоаннисовъ». Во всякомъ случаѣ, Сергѣй Глинка высказывался за желательность появленія полнаго русскаго перевода труда знаменитаго армянскаго историка за 27 лѣтъ до того времени, когда вышелъ въ свѣтъ выполненный Эминымъ переводъ этого памятника. Не было тогда и переводовъ «Исторіи Арменіи» на другіе европейскіе языки, появившихся только въ 40—60-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Тѣмъ болѣе любопытнымъ становится тотъ фактъ, что въ лицѣ Глинки Моисей Хоренскій нашелъ искренняго почитателя и даже вдохновилъ его на созданіе двухъ небольшихъ поэмъ, которыя должны были, какъ онъ думалъ, воспроизвести прошлое армянской земли.

Страна и колыбель вторая
Возобновленія людей!
Въ тебя душой перелетая,
Жить памятью хочу твоей!..

Такъ начинается первая поэма Глинки, прославляющая подвиги Гайка и его побѣду подъ властолюбивымъ и гордымъ Немвродомъ. Авторъ, видимо, хотѣлъ углубиться въ міръ армянскихъ національныхъ преданій, до извѣстной степени возродить мѣстный колоритъ. Мы знаемъ, что Арменія вообще интересовала его, что онъ слѣдилъ и за новѣйшей судьбой армянскаго народа,—о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, составленное имъ «Описаніе переселенія армянъ (изъ персидскихъ владѣній въ предѣлы Россіи)», напечатанное какъ разъ въ томъ же 1831 году, къ которому относятся и его поэмы. Но считать «Гайка» и «Ардоата» настоящими историческими повѣстями въ стихахъ мы все же не имѣемъ основанія. Нельзя, конечно, тре-

бовать отъ Глинки невозможнаго, или удивляться тому, что онъ далекъ отъ сколько-нибудь критическаго, научнаго отношенія къ тексту Моисея Хоренскаго и къ сообщаемымъ имъ фактамъ. Само собой разумѣется, что онъ принимаетъ на вѣру всю исторію борьбы Гайка съ Немвродомъ, или Бэломъ, и вообще считаетъ древнѣйшій періодъ армянской исторіи безусловно достовѣрнымъ. Во второй половинѣ, изображающей тѣ событія, которыя разыгрались въ Арменіи послѣ смерти Александра Македонскаго, историческаго также очень мало, и личность самого Ардоата носитъ въ достаточной мѣрѣ условный и лишенный индивидуальныхъ чертъ характеръ.

Есть ошибки и неточности въ собственныхъ именахъ. Араратъ называется въ нѣсколько пріемовъ Аррaратомъ; сынъ Гайка, Арменакъ, именуется Арманьякомъ; полубогъ Вахагнъ превращенъ въ Вачакна. Имя армянскаго царя Займайра,—по увѣренію Моисея Хоренскаго, участвовавшаго въ Троянской войнѣ,—читается здѣсь Зормайръ (въ три слога); царя Ваге, боровшагося съ македонскимъ завоевателемъ, Глинка называетъ Ва̀гэ,—съ удареніемъ на первомъ слогѣ («къ оружью Вагэ устремлялся»...).

Общая характеристика Арменіи временъ Гайка носитъ опредѣленно идиллическій колоритъ. Желая противопоставить коварству и властолюбію Немврода нѣчто мирное, отрадное, Глинка, несомнѣнно, впадаетъ въ идеализацію, находя въ доисторической Арменіи не только миръ, патріархальную простоту, отсутствіе всякихъ раздоровъ, братскую любовь ко всѣмъ людямъ, но и общее владѣніе землей, незнаніе частной собственности, взглядъ на всѣ земныя блага, какъ на достояніе всего народа, безъ какихъ-либо ограниченій или стѣсненій... Вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ Сергѣй Глинка эту картину золотого вѣка въ Арменіи: .

Твое, мое въ предѣлахъ тѣхъ
Уста еще не повторяли;
Всѣ мысли—въ мысль одну сливали!
Какъ солнце свѣтъ ліетъ для всѣхъ,
Такъ тамъ все было всѣхъ удѣломъ.
Не возмущаяся раздѣломъ,
Равнины тучныя, луга
Стадамъ тамъ пастбищемъ служили
И свѣжестью къ себѣ манили..
. . . .
И жизнь такъ стройно тамъ текла.
И—общей жизнію была.

Возвеличивая Гайка, видя въ немъ идеальнаго правителя, который «человѣчества не гналъ», отличался терпимостью, милосердіемъ и миролюбіемъ, Глинка громитъ Немврода, какъ представителя грубой силы и властолюбивыхъ замысловъ, ставитъ ему въ вину постоянное его стремленіе вести наступательныя войны, кажущіяся автору совершенно недопустимыми. Онъ возмущается тѣмъ, что Немвродъ, впервые пролившій столько крови, заставлявшій своихъ воиновъ быть орудіями его честолюбивыхъ плановъ, провозглашенъ былъ великимъ... Это представляется ему пагубнымъ, роковымъ заблужденіемъ: «за бѣдствія свои, за кровь вы мечъ лобзаете убійства, въ рабы идете исполинства». Тѣ строки, которыя посвящены въ первой поэмѣ рѣзкому осужденію и обличенію кровавыхъ замысловъ безпощаднаго завоевателя, пожелавшаго быть владыкой всѣхъ и захватить чужія земли, эти строки, безспорно,—однѣ изъ наиболѣе сильныхъ въ поэмѣ. Когда мы читаемъ о походѣ Немврода, желающаго поработить свободную Арменію и приводящаго съ этой цѣлью въ мирный и никому не мѣшавшій край огромныя полчища, мы не можемъ, мѣстами, отдѣлаться отъ мысли, что въ данномъ случаѣ сказываются нѣкоторые отголоски происшедшаго за 19 лѣтъ передъ тѣмъ нашествія наполеоновскихъ войскъ. Иныя нападки, направленныя противъ Немврода, могли бы смѣло быть отнесены и къ корсиканскому завоевателю. Вспомнимъ, что въ пору первой Отечественной войны Глинка сыгралъ временно довольно замѣтную роль, что онъ пытался организовать и воодушевить московское населеніе въ моментъ приближенія непріятельскихъ войскъ къ древней столицѣ, когда еще нельзя было предвидѣть тѣхъ событій, которыя разыгрались въ дальнѣйшемъ, что исключительныя условія переживавшейся тогда Россіей эпохи придали ему, хотя бы мимолетно, ореолъ народнаго трибуна, способнаго влiять на массы. Объ этомъ эпизодѣ своей жизни онъ долженъ былъ, несомнѣнно, вспоминать и въ болѣе позднюю пору, когда военныя бури уже давно улеглись, и нѣкоторыя діатрибы противъ войны завоевательной могли быть внушены Глинкѣ сопоставленіемъ предполагаемаго противника Гайка съ величайшимъ завоевателемъ новѣйшаго времени, о которомъ все еще свѣжо было преданіе.

Сергѣй Глинка никогда не былъ крупнымъ литераторомъ, тѣмъ болѣе выдающимся поэтомъ... Писалъ онъ много, во всѣхъ родахъ, оставилъ послѣ себя длинный рядъ произведеній, но послѣднія не свободны отъ существенныхъ дефектовъ, въ частности, и въ отношеніи слога. Далеко не безупречны въ этомъ отношеніи и двѣ его поэмы изъ прошлаго Арменіи. Можно было бы выписать безъ особаго труда цѣлый рядъ тяжелыхъ архаическихъ или вообще неудачныхъ, даже неправильныхъ выраженій, которыя попадаются мѣстами въ обѣихъ «армянскихъ» поэмахъ Глинки. Но отдѣльныя строфы заставляютъ насъ со многимъ помириться, такъ какъ въ нихъ чувствуется подлинное воодушевленіе, особенно любопытное и симпатичное, если подумать, какъ мало вниманія удѣлялось тогда русскимъ обществомъ участи гонимаго судьбой древняго восточнаго народа, и вообще вспомнить объ особенностяхъ той эпохи, когда Глинка писалъ свои поэмы. Оба произведенія полны сочувствія къ армянской націи; сюжетъ обѣихъ построенъ на защитѣ армянами родной территоріи отъ нашествія иноземнаго властителя или отъ тяжелаго и оскорбительнаго гнета свирѣпаго и безпощаднаго намѣстника Неоптолема (во второй поэмѣ). Ардоатъ изображенъ національнымъ героемъ, освободителемъ страны, который не можетъ оставаться безучастнымъ, когда страдаетъ отчизна. Вторая поэма, подобно «Гайку», заканчивается торжествомъ праваго дѣла, народнымъ ликованіемъ по случаю пораженія злобнаго Неоптолема, терзавшаго мирное населеніе.

Отчизна! твой исчезъ злодѣй!
Великъ Арменіи спаситель.
Въ честь Ардоата пѣснь гремитъ:
«Великъ отчизны избавитель».

Между двумя «повѣстями въ стихахъ» есть извѣстная внутренняя связь: недаромъ тѣнь Гайка

является Ардотау и побуждаетъ его выступить противъ Неоптолема, предрекая ему безсмертіе и напоминая о тѣхъ герояхъ и царяхъ, которые въ разное время выставлены были Арменіей:

Почто-жъ теперь позорный сонъ
Повергъ армянъ въ оцѣпенѣнье?
Свирѣпствуетъ Неоптолемъ,
И вы, душъ робкихъ въ онѣмѣньѣ,
Вы носите его яремъ...
. . . .
Возстань! Арменія возстанетъ,
Всѣ оживутъ твоей душой;
Свободы солнце вновь проглянетъ
И озаритъ твой край родной!

Въ рѣчахъ Гайка и Ардоата, затрогивающихъ бѣдственное положеніе родины, есть что-то не устарѣвшее и въ наши дни. Забудемъ на время о слоговыхъ дефектахъ обѣихъ поэмъ и о томъ, какъ мало историческаго въ личности тѣхъ героевъ, которые здѣсь возвеличиваются,—и мы должны будемъ признать появленіе давно забытыхъ теперь произведеній Сергѣя Глинки весьма любопытнымъ эпизодомъ въ исторіи русскаго армянофильства, предвѣщавшимъ то, что должно было сказаться въ наши дни.

Юрій Веселовскій.

Очерки изъ исторіи армянскаго вопроса въ Турціи *).

(Къ сорокалѣтію русско-турецкой войны 1877—1878 гг.).

Этотъ вопросъ открываетъ мартирологъ цѣлаго народа, тянущійся цѣлыми вѣками съ безчисленнымъ множествомъ жертвъ.

Армянскій мартирологъ, надо дать ему справедливость, весьма чутокъ къ исключеніямъ, и нерѣдки случаи, когда письменные памятники съ удовольствіемъ отмѣчаютъ имена тѣхъ эмировъ, которые относились доброжелательно къ христіанамъ. Наивный монахъ, дитя своего вѣка, нерѣдко призываетъ читателей молить Бога, чтобы онъ еще болѣе умилостивилъ сердце этого добраго эмира по отношенію къ христіанамъ [10]).

Но это—отдѣльные случаи, составляющіе капли въ морѣ. Дѣйствительность соткана не изъ такихъ исключеній, а изъ одного сплошного вопля народнаго! Отдѣльныя личности не могли вносить живую струю въ общую атмосферу фанатиковъ, дикаго произвола и деспотической необузданности, въ которой жила райя.

Личность и кровожадные инстинкты отдѣльнаго владѣтеля по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ не составляли еще такой большой общественной бѣды. Райя всегда была воспитываема на самыхъ суровыхъ урокахъ безсердечія и лишеній. Настоящее бѣдствіе ея составляли междуплеменныя распри владѣтелей. Еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда курды лишены были прежняго своего значенія, былой силы, и турецкое правительство было достаточно сильно для ихъ обузданія, это народное бѣдствіе продолжало еще существовать въ глухихъ захолустьяхъ Арменіи, и его такъ описывалъ замѣститель мушскаго викарія въ выше приведенномъ своемъ докладѣ: «При столкновеніяхъ другъ съ другомъ курды-хафиры даютъ другъ другу цѣлыя сраженія, въ которыхъ ставятъ въ первые ряды своихъ крѣпостныхъ армянъ. Чтобы причинить противнику матеріальный вредъ, курдскій помѣщикъ бросается на его крестьянъ, разоряетъ ихъ села, угоняетъ ихъ скотъ, убиваетъ ихъ самихъ и т. д. Потерпѣвшая сторона мститъ своему врагу тѣмъ же способомъ, т.-е. нападая на его крестьянство» [11]).

По одному этому можно составить понятіе, какова была дѣйствительность въ то отдаленное время, когда курдскіе эмиры были хозяевами положенія, обладали воинской силой и имѣли особенную надобность въ столкновеніяхъ съ сородичами для рѣшенія силой оружія вопросовъ о власти, объ интересахъ, о мести и т. д.

Въ армянской литературѣ имѣется много описаній этихъ междоусобныхъ курдскихъ войнъ, но мы здѣсь ограничились лишь нѣкоторыми датами, относящимися къ XVIII сотлѣтію. Въ Мелазгертскомъ санджакѣ считалось 360 селеній, большей частью армянскихъ, но войны курдскихъ эмировъ, имѣвшія мѣсто въ 1762 году, такъ разорили страну и истребили населеніе, что число уцѣлѣвшихъ селъ еле достигало ста. въ концѣ столѣтія возникли новыя войны, между мелазгертскимъ и хнысскимъ курдскими беями, отъ которыхъ число селъ сократилось до 20-ти [12]). Въ самомъ Битлисѣ, столицѣ курдскаго княжества, насчитывалось до 25,000 домовъ населенія разныхъ національностей; различныя войны и волненія, случившіяся въ половинѣ XVIII вѣка, сократили это число почти въ пять разъ. Сильно пострадали въ особенности христіане, среди которыхъ армяне составляли значительное большинство. Будучи истреблены или вынуждены къ бѣгству, армяне оставили пустыми свои дома, которые были заняты курдами. Такую же картину разоренія и безлюдства представляли многія мѣстности Арменіи. Въ Битлисскомъ округѣ еще въ началѣ XIX столѣтія селенія постоянно переносились изъ одного мѣста въ другое по случаю нападенія курдовъ [13]).

Весьма характернымъ съ точки зрѣнія судьбы армянскаго народа является тотъ фактъ, что въ самомъ центрѣ курдской деспотіи, среди войнъ, волненій и разрушеній, армянскій монастырь Амрдолу, построенный въ самомъ Битлисѣ, становится колыбелью чудеснаго литературнаго возрожденія, являвшагося единственнымъ утѣшительнымъ явленіемъ въ мрачной армянской жизни XVII столѣтія. Здѣсь трудами нѣкоторыхъ скромныхъ монаховъ было положено основаніе школы, которую исторія

[10]) Пиргалемянъ, „Ст. пис.“, с. 181.
[11]) Газ. „Масисъ“ 1872 г., № 1239.
*) См. „Армянскій Вѣстникъ“ № 46.
[12]) Инджиджіанъ—„Геогр. Нов. Арменіи“, с. 112.
[13]) Тамъ же, с. 99, 172.

армянской культуры должна назвать Битлисской. Это былъ плодотворный разсадникъ образованія, оказавшій много благодѣяній армянскому народу.

Казалось, возникновенію и развитію такого культурнаго явленія могли бы содѣйствовать только мирныя условія жизни, обезпеченность возможности работать спокойно и беззаботно. Но курдская дѣйствительность была далека отъ подобныхъ условій, и одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ по энергіи и уму представителей Битлисской школы вноситъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: «Невозможно передать безжалостность курдовъ и какъ они сосали нашу кровь. Они терзали насъ, угнетали, мучили, заставляя насъ спасаться бѣгствомъ въ дремучія лѣса и щели скалъ» [14]).

Въ такихъ же сильныхъ выраженіяхъ представляетъ курдскія насилія надъ армянами и французскій ученый Турнефоръ, посѣтившій въ началѣ XVIII столѣтія Эрзерумъ и другія мѣстности Арменіи.

Описывая страхъ армянъ, ученый путешественникъ называетъ курдовъ «хищными волками» [15]). Спустя столѣтіе, другой французскій ученый, извѣстный оріенталистъ Жоберъ, посланный Наполеономъ въ Персію съ дипломатической миссіей, засталъ въ Турецкой Арменіи полную анархію. Въ Баязетскомъ округѣ царила паника отъ курдскихъ разбоевъ. Когда Жоберъ прибылъ въ армянскую деревню Арцабъ, женщины бросились на кровли домовъ и подняли пронзительные крики, двери домовъ были забаррикадированы. Хотя Баязетскій округъ составлялъ почти независимое курдское владѣніе, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ беевъ со своей шайкой грабилъ всѣхъ, не исключая и своихъ курдовъ. Днемъ прекращалось всякое сообщеніе по дорогамъ, и только по ночамъ, когда онъ предавался оргіямъ съ танцовщицами, караваны находили благопріятный моментъ для выступленія въ путь. Въ окрестностяхъ же Вана Жоберъ нашелъ сплошное безлюдіе, жители встрѣчались изрѣдка, армяне - крестьяне уходили на чужбину, чтобы заработать кусокъ хлѣба. Такое печальное состояніе плодородной страны путешественникъ объясняетъ насиліями и грабежами курдовъ [16]).

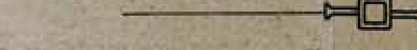
Вслѣдъ за Жоберомъ, въ 1807 году, Наполеономъ было отправлено въ Персію посольство, съ генераломъ Гарданомъ во главѣ. На пути слѣдованія чрезъ Алашкертскую долину посольство стало очевидцемъ обычнаго въ Арменіи явленія: селеніе Іонджалу и сосѣднія съ нимъ армянскія же поселенія были ограблены и сожжены. Путникамъ вездѣ представлялись дымящія развалины деревень; армянки съ дѣтьми спасались бѣгствомъ и передавали путникамъ, что мужья и сыновья ихъ перерѣзаны курдами [17]).

Въ такомъ же угнетенномъ положеніи засталъ армянъ въ Мушскомъ пашалыкѣ англичанинъ John Macdonald Kinneir, путешествовавшій по Арменіи въ 1812 году [18]).

Таково было общее положеніе армяно-курдскихъ отношеній къ исходу первой четверти XIX столѣтія. Съ этого времени въ многовѣковомъ явленіи начинаютъ проявляться признаки перелома, наступленіе новаго періода.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Лео.

Чудесная оправа.

Я не назову ея имени: оно ничего не скажетъ вашему уму и сердцу. Незнакомая фамилія. Малоимущая женщина пріѣхала ко мнѣ изъ Новочеркасска и привезла кольцо. Три брилліанта его украшаютъ, небольшіе, не тысячные, но обладаютъ особымъ блескомъ чудной игры, словно отъ нихъ льется какой-то свѣтъ, льется, не ослѣпляя вашихъ глазъ, а прямо въ сердце, въ душу, и вся сила этихъ брилліантовъ—

Въ чудесной ихъ оправѣ!..

Кольцо служило фамильной реликвіей. Его носила еще бабушка, давно-давно—въ первый день обрученія, оно попало къ матери, и теперь она, уже пожилая женщина, носитъ десятки лѣтъ. Но вотъ моя гостья узнаетъ, что лютости и озвѣрѣлости людской нѣтъ границъ, тамъ, далеко, въ Турціи, ея братья страдаютъ. Ихъ продаютъ и покупаютъ. Ихъ можно спасти и выкупать. Заговорилъ Богъ въ ея сердцѣ, и захотѣла она тоже внести свою лепту на это святое дѣло. Денегъ у нея нѣтъ, но есть одна драгоцѣнность—это кольцо, фамильная реликвія, съ которой тяжело разставаться, но нужно!

И она робко достаетъ свое кольцо и даетъ на дѣло выкупа плѣнныхъ армянъ. Можетъ быть, десять, двадцать человѣкъ получатъ свободу, вырвутся изъ рукъ турокъ и курдовъ, вздохнутъ полной грудью, вернутся домой къ своимъ дѣтямъ, очагу, гдѣ снова загорится огонь, забьетъ ключомъ жизнь, пойдутъ веселье и радости бытія...

Носила это кольцо бабушка, носила мать, и вотъ она полагала, что и она будетъ носить его до конца дней своихъ и передастъ тоже дочери, но... Но, когда кругомъ такъ много крови, слезъ, бѣдствій, когда братья потеряли свободу, влачатъ жизнь рабовъ, когда нѣтъ кругомъ ихъ никакого веселья, никакой радости, и жизнь медленно, печально, тяжело уходитъ и угасаетъ, какой честный человѣкъ можетъ думать о... брилліантовомъ кольцѣ?..

Она вручаетъ это кольцо, которое особенно ей цѣнно, дорого, но дѣлаетъ это съ сознаніемъ исполненнаго долга, она, эта простая, неизвѣстная, мало-

---

[14]) „Исторія Тарона", печат. въ Константинополѣ въ 1719 году.

[15]) Pitton de Turnefort—„Relation d'un voyage du Levant", t. III, Lyon, 1717, p. 122.

[16]) P. A. Jaubert—„Voyage en Arménie et en Perse" Paris.

[17]) J. M. Tancoigne—„Lettres sur la Perse et la Turquie d'Asie", t. I, Paris, 1819, p. 94.

[18]) „Voyage dans l'Asie Mineure, l'Arménie et le Kourdistan", t. II, Paris, 1818, p. 146.

грамотная женщина, спеціально для этого пріѣхавшая изъ другого города!..

Много брилліантовъ я видѣлъ на своемъ вѣку. Вижу крупные солитеры на мизинцахъ картежныхъ игроковъ въ клубахъ. Вижу десятитысячные брилліанты на ушахъ и пальцахъ расфранченныхъ нашихъ дамъ, многія изъ которыхъ—дамы-патронессы, разъѣзжающія на рысакахъ. Сколько каратовъ въ этихъ драгоцѣнностяхъ? Какъ дорого онѣ стоятъ? Цѣлое состояніе, на которое можно прокормить десятки, сотни семей! Какъ они всѣ сверкаютъ безстыдно, кичась словно своей игрой, ослѣпляя ею бѣдноту, нищету, горе, слезы и кровь, да!—и кровь, которую по каплѣ льетъ пришибленный жизнью бѣднякъ!..

Много брилліантовъ я видѣлъ на своемъ вѣку, которые блестѣли и ослѣпляли.

Но эти три маленькіе брилліанта, которые не цѣнны количествомъ своихъ каратовъ, не ослѣпляютъ. Блескъ ихъ особеный, и въ душной комнатѣ въ нихъ отражается высокое, чистое небо. Отъ нихъ идетъ особый свѣтъ, онъ льется, льется безъ конца и прямо все въ сердце, все въ душу...

И не въ самыхъ брилліантахъ сила этого кольца, а въ его чудесной оправѣ—

Милосердія!..

Гр. Чалхушьянъ.

Кери.

Третій день и третью ночь идетъ бой. Третій день и третью ночь нашъ отрядъ отчаянно отбивается отъ насѣдающихъ на него со всѣхъ сторонъ турокъ, а, между тѣмъ, цѣпь окруженія часъ отъ часу становится все плотнѣе и плотнѣе. Чувствуется, что врагъ уже торжествуетъ побѣду и, чтобы ускорить развязку, удваиваетъ энергію своихъ безпрерывныхъ атакъ.

Онъ знаетъ, что мы окружены, что всѣ пути къ отступленію намъ отрѣзаны и заранѣе уже учитываетъ прибыль и славу отъ почти достигнутой побѣды.

Еще бы!

Вѣдь цѣлый отрядъ, охваченный кольцомъ, будетъ ему добычей...

Чувствуемъ и мы, что не только дни, но даже часы наши сочтены; знаемъ впередъ, что ожидаетъ насъ, и поэтому съ двойной, тройной энергіей боремся всѣ съ насѣдающей на насъ вражеской волной.

Знаемъ мы всѣ, отъ генерала до солдата, что спасенія ждать неоткуда, уже слишкомъ далеко закинутъ нашъ отрядъ отъ базы наступленія, и, отрѣзанные отъ всего, что могло бы придти къ намъ на помощь, мы должны были или пасть всѣ до одного въ дебряхъ Курдистана, или попасть живыми въ руки безпощаднаго врага. А что пощады намъ не будетъ, объ этомъ тоже знали хорошо.

На общемъ совѣщаніи въ ночь съ 14 на 15 мая въ палаткѣ генерала было рѣшено, что отрядъ долженъ держаться до послѣдней крайности...

Въ 3 часа утра Кери сидѣлъ на лошади, и, въ сопровожденіи меня и одного вѣстового, объѣзжалъ боевыя позиціи. Проѣзжая съ нимъ вмѣстѣ съ одной линіи боевого участка на другую, я положительно поражался той энергіи и выносливости, какой обладалъ этотъ старикъ. А вѣдь мы съ нимъ не спали подрядъ уже три ночи и трое сутокъ почти ничего не ѣли. Не до того было...

Часамъ къ 11-ти объѣздъ и обходъ былъ законченъ: части были провѣрены, и приказаніе «держаться во что бы то ни стало» было передано всѣмъ дружинникамъ. Получая этотъ приказъ изъ устъ самого Кери, дружинники только молча склоняли головы, выражая этимъ, что они вполнѣ понимаютъ своего командира.

Панихида по Кери въ Аштаракѣ.
* Супруга Кери.

Покончивъ съ этимъ, Кери опустился за прикрытіе перевести духъ.

Турки съ ранняго утра перешли въ наступленіе, и пули носились у насъ надъ головами точно пчелы, вылетѣвшія изъ улья.

Мнѣ не сидѣлось.

Пробравшись къ пулеметамъ, я въ бинокль сталъ наблюдать за дѣйствіями турокъ. Справа и прямо передъ нами были непріятельскіе окопы всего шагахъ въ 300, не больше, но такъ искусно замаскированные, что ихъ было трудно замѣтить. Но вотъ совершенно случайно мой взглядъ упалъ на грядку камней шагахъ въ 600 отъ насъ. Среди этихъ камней было замѣтно движеніе, и было видно нѣсколько сѣрыхъ головъ, засѣвшихъ среди камней турокъ.

Турки эти занимали позицію противъ другихъ нашихъ частей, и мы имъ приходились во флангъ.

Тотчасъ же былъ наведенъ туда пулеметъ, но первыя двѣ ленты прошли безъ результата, но зато послѣ третьей изъ-подъ камней, на открытое мѣсто выбѣжало сразу нѣсколько человѣкъ аскеровъ, которые и бросились убѣгать внизъ по откосу горы.

Убѣдившись, что прицѣлъ взятъ вѣрно, пулеметъ, уже не переставая, сталъ осыпать огнемъ эту грядку камней (впослѣдствіи оказавшуюся правильной ли-

ніей окоповъ, въ которыхъ помѣщалось не меньше роты аскеровъ). Число выбѣгавшихъ турокъ послѣ каждаго выстрѣла все больше и больше увеличивалось.

Вокругъ пулемета сгруппировалось человѣкъ до 10 добровольцевъ, которымъ и было приказано держать огонь залпами по бѣгущимъ туркамъ. Залпы оказались очень удачными, и видно было, какъ падали тамъ люди. Дѣло начиналось интересное. Схвативъ винтовку у одного раненаго добровольца, я тоже съ увлеченіемъ сталъ стрѣлять въ убѣгавшихъ турокъ.

Случайно обернувшись, я увидѣлъ рядомъ съ собой Кери. Онъ тоже стоялъ съ винтовкой въ рукахъ и, выпрямившись во весь ростъ (безъ шапки), съ открытой головой, съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и мы, разстрѣливалъ общихъ враговъ.

Мнѣ стало страшно за жизнь старика, такъ какъ опасность въ томъ мѣстѣ была довольно значительная, о чемъ свидѣтельствовали то и дѣло падавшіе вокругъ насъ добровольцы. Я сталъ просить его уйти за прикрытіе, но какъ разъ въ это время наблюдавшій въ бинокль за непріятельскимъ окопомъ солдатъ пулеметной команды крикнулъ, что аскеры увозятъ изъ своего окопа пулеметъ.

Этого крика было достаточно, чтобы насъ всѣхъ сразу охватило одно и то же желаніе:

— Отнять пулеметъ...

На секунду стрѣльба съ нашей стороны стихла, и я вдругъ увидѣлъ какъ Кери бросилъ на землю винтовку, поднялъ кверху обѣ руки и крикнулъ по-русски:

— «Ура!»

И, перескочивъ черезъ окопъ, бросился впередъ:

— Ура! Ура! Ура!

Подхватили вслѣдъ и мы и бросились за нимъ.

Замѣтивъ нашу атаку и услышавъ наши крики, противникъ, что былъ вправо отъ насъ, открылъ по нашей атакующей кучкѣ настолько сильный огонь, что положительно дѣлалось жутко. Пули жужжали, свистѣли и съ рѣзкимъ металлическимъ трескомъ рвались вокругъ *). Я видѣлъ какъ падали вокругъ меня люди и, перескакивая мѣстами черезъ нихъ, какъ сквозь туманъ, точно откуда-то издали слышалъ душу раздирающіе стоны.

Атака продолжалась.

Вотъ я догналъ Кери и бѣжалъ уже съ нимъ рядомъ. Онъ все еще размахивалъ руками и продолжалъ кричать: «Ура!»

Въ одномъ мѣстѣ—это была совершенно открытая полянка—на насъ посыпалась такая масса пуль, что казалось нѣтъ мѣста, куда бы онѣ не падали: рвались надъ головой, ударялись подъ ноги, и точно змѣи шелестѣли въ травѣ.

Я видѣлъ, какъ бѣжавшій рядомъ съ нами доброволецъ упалъ и, выронивъ изъ рукъ винтовку, съ протяжнымъ крикомъ покатился по травѣ. Вслѣдъ за нимъ упалъ другой, и я успѣлъ только замѣтить, какъ онъ судорожно схватился за животъ, широко открывъ ротъ, но крика не слышалъ.

Чувствуя, что жизнь Кери положительно на волоскѣ, я схватилъ его за рукавъ и, стараясь перебороть трескъ выстрѣловъ, кричалъ ему, чтобы онъ остановился и сѣлъ. Но онъ или не слыхалъ меня, или не хотѣлъ слушать, продолжалъ все такъ же бѣжать,—какъ бѣжалъ и до этого.

Вотъ мы уже въ 10 шагахъ отъ турецкаго окопа, еще немного—и мы грудь съ грудью столкнемся съ турками.

Но вотъ послѣдній безпорядочный залпъ, и я вижу, какъ турки одинъ за другимъ выскакиваютъ изъ окопа и бѣгутъ прочь.

— Побѣда!—кричу я и на бѣгу оборачиваюсь къ Кери.

— Ура!—подхватываетъ онъ, и вдругъ падаетъ прямо на окопную насыпь, широко раскидывая руки.

Крикъ сожалѣнія и злобы вырвался у меня. Слишкомъ дорогой цѣной досталась намъ побѣда.

Остановившись, я нагнулся надъ нимъ. Онъ лежалъ на спинѣ съ широко раскинутыми руками и запрокинутой головой. Одинъ глазъ у него закатился подъ лобъ и былъ страшенъ, другой широко открытъ. Пуля угодила въ правый високъ, и смерть была моментальна.

Въ помощи моей нужды не было...

II

Пройдя нѣсколько шаговъ впередъ и поднявшись на возвышенность, только что оставленную турками, я осмотрѣлся.

Турки отступали, а за ними по пятамъ шли наши, плотно насѣдая на отстающихъ.

Перестрѣлка утихла.

Круто повернувшись, я пошелъ назадъ. Трупъ Кери продолжалъ лежать въ томъ же положеніи на травѣ.

Голова у меня совершенно прояснилась, и я только сейчасъ понялъ, какую незамѣнимую потерю понесла наша дружина въ лицѣ этого убитаго героя.

Одно лишь меня утѣшало: это то, что онъ умеръ какъ самый достойный и храбрый полководецъ.

Нужно было видѣть, какъ этотъ почти 60-лѣтній старикъ, безъ шапки, съ развѣвающимися сѣдыми волосами, бѣжалъ, презирая опасность, впереди всѣхъ и своимъ геройскимъ примѣромъ увлекалъ за собой своихъ дружинниковъ.

Нужно было видѣть его лицо въ это время, на которомъ было написано одно рѣшеніе: побѣдить и вырваться изъ когтей торжествующаго врага. И это онъ выполнилъ, заплативъ за побѣду своей жизнью.

— Какъ знать?—думалъ я, смотря на трупъ,—не бросься этотъ достойный старикъ впередъ и не увлеки за собой дружины, чѣмъ кончился бы для насъ всѣхъ этотъ день. Вѣдь кольцо врага было уже замкнуто.

III.

Да, Кери, ты палъ, но палъ геройски въ бою со своимъ вѣчнымъ врагомъ, много столѣтій подрядъ терзающимъ твою родную отчизну и кровью родныхъ тебѣ жертвъ поливающимъ истерзанную и обезсиленную Арменію.

Осиротѣла твоя дружина, Кери, и въ лицѣ твоемъ народъ Арменіи потерялъ одного изъ самыхъ преданныхъ и стойкихъ борцовъ за правовые устои ея. Мы же, собранные тобою, твои дружинники, лишились не только руководителя и начальника, нѣтъ,

*) Турки примѣняли здѣсь разрывныя пули, взятыя будто бы, по ихъ словамъ, у англичанъ, при занятіи крѣпости «Кутъ-Эль-Амаръ».

мы потеряли отца, заботившагося о насъ и вдохновлявшаго насъ.

Твоимъ именемъ была собрана дружина, твоимъ именемъ она и жила почти два года тяжелой кровавой борьбы. Ты вдохновлялъ насъ и велъ къ побѣдѣ и славѣ, и мы всѣ, твои дружинники, всегда и вездѣ съ гордостью отзывались о тебѣ, какъ о самомъ достойномъ и храбромъ начальникѣ.

Когда насъ спрашивали, въ какой дружинѣ мы находимся, мы всѣ съ гордостью отвѣчали: «У Кери». Мы иначе не называли своей части, какъ «дружиною Кери».

Ты умеръ... ты убитъ, и твоя бурная двадцатипятилѣтняя боевая дѣятельность прекратилась вмѣстѣ съ твоею жизнью и прекратилась такъ, какъ она и должна была прекратиться у достойнѣйшаго изъ достойнѣйшихъ боевыхъ героевъ Арменіи.

Ты умеръ такъ же самоотверженно, какъ и жилъ, и пусть смерть твоя послужитъ примѣромъ и наукой для грядущаго поколѣнія.

Я лично долго буду помнить тебя, буду помнить послѣднія минуты твоей жизни, когда я рядомъ съ тобой бѣжалъ въ атаку и видѣлъ, какъ ты, презирая опасность и носившуюся вокругъ насъ смерть, увлекалъ всѣхъ насъ за собой.

Да, я буду долго помнить тебя...

Д. Давыдкинъ.

Маленькія поэмы *).

У береговъ Евфрата.

II.

Знамя.

Я уношу съ собою вдаль
Въ край злобныхъ джиновъ и эблиса
Душистыхъ розъ моихъ печаль
И строгій трауръ кипариса.

Кругомъ пески чужихъ пустынь,
Небесъ сверкающее пламя...
Гдѣ горъ родныхъ святая синь?
Гдѣ ты, моей дружины знамя?

Какъ бѣлый снѣгъ вершинъ чиста,
Его мнѣ дѣвушка вручила.
Животворящаго креста
На немъ божественная сила.

Оно овѣяно молитвъ
Восторгомъ, радостью, тоскою.
Его въ громахъ кровавыхъ битвъ
Держалъ я твердою рукою.

За нимъ незримые вослѣдъ,
Покинувъ тьму могильной сѣни,
Стремились вѣстники побѣдъ,
Бойцовъ разгнѣванныя тѣни.

Но часъ ударилъ роковой,
Я палъ въ бою, мечомъ сраженный,
И знамя выхватилъ другой,
И спасъ въ борьбѣ ожесточенной.

Очнулся я въ тѣни чинаръ,
Въ багровомъ полымѣ заката.
Прохладою смѣнялся жаръ
Надъ желтой ризою Евфрата.

Синѣлъ востокъ. Ночная мгла
Какъ-будто свитокъ дня свивала
И тѣнью сизаго крыла
Его отъ свѣта заслоняла.

Тамъ пѣнье трубъ... Тамъ вражій станъ...
Коней пронзительное ржанье...
И рать усталая армянъ,
Ея суровое молчанье...

Насъ мало было. Врагъ силёнъ...
Я ждалъ послѣдняго удара.
И колыхался небосклонъ
Цвѣтами алыми пожара.

И ночь прошла. И знойный день...
Я поднятъ былъ какъ трупъ бездушный...
И вотъ теперь влачусь какъ тѣнь,
Какъ рабъ безвольный и послушный.

Иду... Куда?.. Зачѣмъ?.. Молчу...
Въ пески пустынь? Спросить не смѣю!
Какъ волъ, свистящему бичу
Я гну истерзанную шею.

Но снятся мнѣ издалека
Благоуханныя долины.
Моя библейская рѣка
И знамя бѣлое дружины.

Возврата нѣтъ! Не станетъ силъ
Уйти дорогою безводной
Въ далекій край моихъ могилъ,
Въ нетлѣнный рай земли свободной.

Воскреснетъ родина моя!
А я—боецъ ея плѣненный,
Любовь и ненависть тая,
Умру въ пустынѣ отдаленной.

Но въ часъ послѣдній надо мной
И въ блескъ и въ зной ея палящій
Святого стяга золотой
Увижу крестъ животворящій.

И я душой въ родную даль
Уйду отъ джиновъ и эблиса
Въ душистыхъ розъ моихъ печаль,
Подъ строгій трауръ кипариса.

Вас. Немировичъ-Данченко.

*) Въ прошломъ № 45-мъ „Арм. Вѣстн." въ стихотвореніи Вас. Немировича-Данченко: На берегу Евфрата, I. вкралась досадная ошибка. Въ четвертой строфѣ строка «И въ свѣтлые часы молчанья и прохлады» должна слѣдовать послѣ строки: «Туда въ убогій храмъ молиться шелъ народъ» т.-е.

нужно читать:

Туда въ убогій храмъ молиться шелъ народъ
И въ свѣтлые часы молчанья и прохлады
Священника мы слушать были рады

Примѣч. автора.

Изъ Ав. Исаакіана.

***

Тамъ, гдѣ млѣютъ ивы,
Грезой полоненъ,—
Слушаю грустливый
Скрипки плачъ и стонъ.

Таютъ звуки зыбкой
Скорбью въ тишинѣ...
И слезится скрипка,
Словно мать, по мнѣ.

Безпощадны Лары,—
Въ уголь я сожженъ
И разбиты Чары,
И любовь и сонъ...

Тамъ, гдѣ млѣютъ ивы,
Я одинъ—съ тоской,
Скрипка лишь тоскливо
Сѣтуетъ со мной...

Перев. **Цоланъ.**

Изъ В. Тэріана.

Я здѣсь, ты здѣсь; здѣсь я и ты,
Чаруетъ міръ полночный свѣтъ;
Мы здѣсь одни, здѣсь я и ты,
Я тоже ты: меня здѣсь нѣтъ...

Нѣтъ страшныхъ дней съ тобой вдвоемъ!
Но гдѣ же время, гдѣ же дни?
Мы, какъ два призрака живемъ,
Когда вдвоемъ, всегда одни.

Минувшее забыли мы,
Томленье, ропотъ въ скорбный часъ,
И свѣтъ иной сквозь ужасъ тьмы
Сіяетъ весело для насъ.

Я здѣсь, ты здѣсь; здѣсь я и ты,
Чаруетъ міръ полночный свѣтъ;
Мы здѣсь одни, здѣсь я и ты,
Я тоже ты: меня здѣсь нѣтъ.

Е. Сырейщикова.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ.

Официальное сообщеніе отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

За недѣлю.

1, 2 и 3 декабря.

Безъ перемѣнъ.

4 декабря.

Въ районѣ горы Каракая, что въ 15 верстахъ западнѣе Калкита, наша рота вышла въ тылъ турецкой заставѣ силой около 60 человѣкъ и атаковала ее. Часть заставы была переколота, часть разбѣжалась.

На хамаданскомъ направленіи наши конные развѣдочныя части, наступавшія сѣвернѣе шоссе Казвинъ—Хамаданъ, были остановлены огнемъ съ высотъ на линіи Кумезанъ—Маранъ. Другія части, дѣйствовавшія южнѣе того же шоссе, изъ района Іліо—Аджахарабъ, продвинулись почти до долины Фалпанъ-чая, гдѣ были задержаны болѣе сильными частями противника.

5 и 6 декабря.

Ничего существеннаго не произошло.

7 декабря.

Безъ перемѣнъ.

На турецкихъ фронтахъ.

Затишье, установившееся на фронтахъ малоазіатскаго и персидскаго театровъ, продолжается.

Послѣднія тенденціи къ активнымъ дѣйствіямъ турки проявили 26 ноября на хамаданскомъ направленіи персидскаго театра.

Подготовивъ наступленіе артиллерійскимъ огнемъ противъ куриджанскаго участка нашего фронта, противникъ двинулъ свои густыя боевыя цѣпи съ высотъ и занялъ бугры, находящіеся въ нейтральной зонѣ, между Мараномъ и Куриджаномъ.

Дальнѣйшаго развитія турецкое наступленіе не получило.

Въ то время, какъ въ операціяхъ вообще на всѣхъ фронтахъ міровой войны, за исключеніемъ румынскаго, установилось внѣшнее затишье, нарушаемое лишь обычной артиллерійской перестрѣлкой и незначительными активными дѣйствіями тактическаго характера, государства четверного союза—Германія, Австро-Венгрія, Болгарія и Турція—обратились къ нейтральнымъ державамъ съ просьбой предложить державамъ четверного согласія дать отвѣтъ на дипломатическую ноту по поводу локализаціи современной войны путемъ мира.

Протягивая «пальмовую вѣтвь» государствамъ, рѣшившимъ бороться до полнаго сокрушенія военной и экономической мощи главнаго виновника безпримѣрной въ исторіи народовъ войны—Германіи,—

наши противники выбрали для дипломатическихъ переговоровъ время, когда трансильванская армія фельдмаршала Макензена, превосходя по своему численному составу румынскую армію генерала Илиеску, заняла почти половину территоріи Румыніи съ ея крѣпостью и столицей—г. Бухарестомъ.

Предлагая приступить къ мирнымъ переговорамъ, наши противники расчитывали, конечно, сыграть на психологіи государствъ Согласія, полагая, что послѣднія окончательно убѣдились въ несокрушимости живыхъ и техническихъ силъ германской коалиціи и охотно пойдутъ навстрѣчу нотѣ, составленной правительствомъ Вильгельма.

Но, какъ подсказываетъ намъ дѣйствительность, стремленіе нашихъ противниковъ къ миру вызывается исключительно тѣми соображеніями, что будущая борьба кажется имъ въ тѣхъ перспективахъ, гдѣ шансы германской коалиціи на успѣхъ замѣтно ослабѣваютъ.

Дѣйствительно, если противникамъ нашимъ и удалось одержать предыдущіе успѣхи на европейскихъ театрахъ войны, оккупировавъ Бельгію, Сербію, Черногорію, части территорій Франціи и Россіи, то это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Германія, подготовляясь къ современной войнѣ почти полстолѣтія, занимала въ первые годы борьбы доминирующее положеніе въ техникѣ вооруженія и снаряженія своей арміи, оказавъ въ этой области содѣйствіе и своимъ союзникамъ.

Обнаруживъ секретъ побѣды противниковъ, государства Согласія мобилизовали свою промышленность, и въ данное время германская техника уже нашла себѣ серьезныхъ соперниковъ на театрахъ войны, удивившихъ весь культурный міръ арсеналомъ своихъ изобрѣтеній, при помощи которыхъ сокрушались «неприступныя» германскія укрѣпленныя позиціи на фронтѣ Соммы, подъ Верденомъ и таковыя же, созданныя германскими инженерами, на австро-венгерскомъ фронтѣ Волыни, Галиціи и Буковины.

Потери нашихъ противниковъ за періодъ войны достигли колоссальныхъ размѣровъ.

Не будемъ касаться цифровыхъ данныхъ о потеряхъ германцевъ подъ Верденомъ и на Соммѣ, австро-германцевъ на фронтѣ нашего главнаго театра и т. д., обратимъ лишь наше вниманіе на то, что германцы, не говоря уже объ ихъ союзникахъ, стали прибѣгать къ всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы поднять угасающій духъ своего солдата, въ сознаніе котораго стала проникать идея безполезности дальнѣйшей борьбы, когда на родинѣ оставленная имъ семья находится на границѣ голода, когда въ Германіи почти не осталось ни одной семьи, не носящей траура.

Продовольственный кризисъ пустилъ весьма глубокіе корни во всѣхъ государствахъ германской коалиціи, а запасы жизненныхъ продуктовъ Румыніи, на которые сильно расчитывали наши противники, оказались не настолько значительными, чтобы можно было составить на нихъ свое дальнѣйшее благополучіе.

Что же касается запасовъ живой силы, то противники наши истощили ихъ въ значительной степени за двадцать восемь мѣсяцевъ войны и въ будущемъ едва ли будутъ въ состояніи заниматься формированіемъ новыхъ частей.

Для пополненія убыли въ частяхъ дѣйствующихъ армій противники наши имѣютъ еще запасы, особенно послѣ того, какъ Германія объявила у себя всеобщую обязательную трудовую повинность.

Турція, по свѣдѣніямъ заграничной прессы, категорически отказывается давать своихъ солдатъ на формированіе частей для дѣйствій на европейскихъ театрахъ, гдѣ ей пришлось нести весьма серьезныя потери на фронтахъ Арменіи, Галиціи, Добруджи, Румыніи, а за послѣднее время даже на салоникскомъ фронтѣ, на участкѣ р. Серресъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, побудившихъ нашихъ противниковъ домогаться мира, явилось преобразованіе англійскаго и французскаго кабинетовъ и рѣшимость союзниковъ вести борьбу съ большей энергіей, подчиняясь одному общему, объединенному стратегическому плану.

Въ зимній періодъ времени, когда вслѣдствіе климатическихъ условій борьба на нѣкоторыхъ театрахъ становится возможной лишь въ условіяхъ пассивной обороны, когда на огромныхъ линіяхъ главныхъ театровъ, какъ, напримѣръ, на нашихъ сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ, борьба пріобрѣла уже характеръ позиціонной войны, противники наши воспользовались румынскимъ театромъ и создали изъ него арену интенсивной операціи.

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что наступательнымъ дѣйствіямъ арміи фельдмаршала Макензена на валахскомъ участкѣ румынскаго фронта будетъ положенъ предѣлъ, такъ какъ на поддержку арміи генерала Илиеску уже прибыли русскія войска и произвели собою замѣну румынскихъ арьергардовъ.

Въ недалекомъ будущемъ надо ожидать, что и главныя силы румынской арміи, испытавшія на себѣ всю тяжесть продолжительныхъ боевъ, начавшихся 15 августа, получатъ заслуженный отдыхъ, и на замѣну ихъ станутъ наши войска, чтобы помѣриться своими силами съ австро-германо-болгаро-турецкими войсками въ условіяхъ не позиціонной, а полевой войны, къ которой наши противники далеко не питаютъ стремленій.

По даннымъ, имѣющимся у румынскаго посланника при нашемъ Дворѣ г. Діаманди, потери, понесенныя противникомъ, особенно германцами, громадны.

Высказывая свой взглядъ на стремленіе государствъ германской коалиціи заключить миръ, румынскій посланникъ говоритъ, что «Германія отлично понимаетъ, конечно, что ея Пирровы побѣды приведутъ ее въ конечномъ результатѣ къ полному истощенію и пораженію, и вотъ въ итогѣ всѣхъ этихъ соображеній появилось германское предложеніе о мирѣ».

Кромѣ того, тотъ же посланникъ обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что германскій императоръ, обращаясь съ нотой къ своимъ противникамъ, отправилъ особое посланіе къ арміи, которое, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что «настроеніе германской арміи оставляетъ желать много лучшаго, что въ германской и другихъ союзныхъ съ нею арміяхъ царитъ недовольство войною, или, вѣрнѣе, ея безцѣльностью, безрезультатностью».

Такимъ образомъ германскому императору явилась необходимость доказать арміи, что «отвѣтственность за неизбѣжное продолженіе войны лежитъ не на Германіи, ибо она сдѣлала съ своей стороны все, чтобы заключить миръ, и что не она вообще будетъ виновата, если предложеніе не будетъ принято противниками».

Дипломатическая нота, предъявленная государствами германской коалиціи державамъ Согласія, какъ и надо было ожидать, успѣха не имѣла, и единодушное рѣшеніе послѣднихъ вести борьбу до побѣднаго конца осталось въ силѣ.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ британской главной квартиры, на месопотамскомъ фронтѣ начались наступательныя дѣйствія англійскихъ войскъ на фронтѣ р. Тигра.

Перейдя въ наступленіе 30 ноября и 1 декабря англичане, обстрѣлявъ турецкія позиціи, расположенныя на лѣвомъ берегу рѣки Тигра, около Саннаята, заняли лѣвый берегъ р. Хан, между Атабомъ и Басругіей.

Переправившись на правый берегъ этой рѣки, англичане захватили территорію отъ одной до полутора миль глубиною, а кавалерія, перейдя въ атаку, выбила турокъ изъ ихъ траншей, тянувшихся по правому берегу.

Занявъ высоты Кала—Хаджа—Сахана, англійская пѣхота приблизилась къ Кутъ-Эль-Амару на разстояніи всего 2½ миль.

П. Бурскій.

День сбора пожертвованій въ пользу армянъ и сирійцевъ въ Америкѣ.

21-го и 22-го октября въ Америкѣ былъ организованъ сборъ пожертвованій въ пользу армянъ и сирійцевъ. Наканунѣ сбора «Армянскій комитетъ помощи армянамъ и сирійцамъ» выпустилъ «Извѣстія» о положеніи названныхъ двухъ народовъ. Наиболѣе важныя мѣста этихъ «Извѣстій комитета» мы приводимъ ниже, заимствуя ихъ изъ армянской газеты «Айреникъ», издающейся въ Америкѣ.

Въ «Извѣстіяхъ» прежде всего обращаетъ на себя вниманіе **постановленіе сената**, гласящее слѣдующее:

«Въ виду тѣхъ бѣдствій и страданій, которыя терпятъ армянскій и сирійскій народы, просимъ президента Соединенныхъ Штатовъ установить опредѣленный день, въ который наши граждане могли бы выявить свое сочувствіе этимъ народамъ, внеся свою лепту въ фондъ помощи армянамъ, находящимся въ воюющихъ государствахъ».

Въ отвѣтъ на это постановленіе сената **президентъ Соед. Штатовъ объявилъ слѣдующее:**

«Симъ я, Утро Вильсонъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, одобривъ указаніе сената, объявляю, что въ двухдневные сроки, въ субботу 21-го и въ воскресенье 22-го октября, граждане Соединенныхъ Штатовъ могутъ оказать посильную помощь угнетеннымъ народамъ—армянамъ и сирійцамъ.

Въ «Извѣстіяхъ» приводятся письма, ярко рисующія трагическое положеніе армянъ въ монгольскомъ мірѣ. Одно изъ нихъ написано изъ Алугара (въ Арменіи) когда-то богатымъ купцомъ. Вотъ что пишетъ онъ:

«Я нахожусь въ крайне тяжеломъ, критическомъ положеніи. У меня тутъ ничего нѣтъ: только одежда на плечахъ. Словно Христосъ, остались мы безъ убѣжища и ѣды. Въ этой обширной пустынѣ у насъ нѣтъ ни дома, ни одѣяла. Дѣтей я оставилъ у родственниковъ».

Въ другомъ письмѣ изъ Айнтапа читаемъ:

«Надо самому видѣть все, чтобы составить себѣ ясное представленіе о дѣйствительномъ положеніи вещей. Ахъ, милая сестра, здѣсь даже Всемогущій Богъ нуждается въ помощи. Сообщите объ этомъ народу, а нашимъ миссіонерамъ дайте знать, что обучавшіеся въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди обоего пола умираютъ съ голода. Сердце разрывается, когда я вижу ихъ. Всѣмъ нужна помощь, особенно младенцамъ, особенно невиннымъ дѣвочкамъ, которыя кричатъ «хлѣба! хлѣба!» и которыхъ во избѣжаніе ихъ смерти отъ голода вынуждены продавать арабамъ. Матерямъ приходится ходить повсюду, собирать подаянія для дѣтей. Всѣ они преждевременно состарились. Одинъ мальчикъ, не ѣвшій ничего два дня подрядъ, то и дѣло приставалъ къ матери. «Мама! вотъ же печка и сковородка: почему не готовишь ничего?» Многіе вынуждены питаться мясомъ собакъ, падалью, травой. На прошлой недѣлѣ мы были въ одномъ домѣ, жильцы котораго въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней ничего не клали въ ротъ. Одна женщина, держа на рукахъ ребенка, старалась кормить его намоченнымъ водой хлѣбомъ; но малютка уже болѣе не могъ кушать: онъ и умеръ такъ на рукахъ у матери. Другая мать, увидя, что ребенокъ умираетъ отъ голода, не вытерпѣла и бросилась въ Евфратъ; то же сдѣлалъ и отецъ».

За этимъ письмомъ, полнымъ описанія столь невообразимыхъ несчастій, слѣдуютъ въ «Извѣстіяхъ» другія письма, которыя превосходятъ его по своему душу раздирающему содержанію.

Изъ «Извѣстій» же узнаемъ, что печатается новая **книга** одного изъ преданныхъ друзей армянъ—Джемса Брайса. Книга трактуетъ объ армянскомъ вопросѣ и написана на основаніи тщательнаго изученія положенія дѣлъ.

Одинъ американскій публицистъ, **С. С. Монъ-Клюръ**, называетъ судьбу армянъ «новымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи явленіемъ».

Далѣе въ «Извѣстіяхъ» комитета дается рядъ **свѣдѣній** объ армянахъ, рисующихъ ихъ какъ христіанъ, бывшихъ всегда жертвой для окружающихъ дикихъ и сильно ненавидящихъ христіанство племенъ.

«Нынѣ,—говорится тамъ же,—насталъ часъ озаботиться объ оставшихся въ живыхъ, дать имъ возможность спастись отъ гибели. Изъ 2.000.000 армянъ погибло 750,000 душъ, уцѣлѣли 1.200,000 человѣкъ, большую часть которыхъ составляютъ подростки и дѣти обоего пола.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи «Извѣстія» касаются сирійцевъ, которые находятся, подобно намъ, въ плачевномъ и ужасномъ положеніи.

Въ Арменіи.

Въ Хнысѣ.

«Оризону» сообщаютъ изъ Хныса:

Согласно статистическимъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время въ районѣ Хныса около 3,500 бѣженцевъ армянъ, собравшихся здѣсь изъ различныхъ мѣстностей Турецкой Арменіи. Вотъ уже десять мѣсяцевъ, какъ Хнысъ занятъ русскими войсками, но до сихъ поръ эти бѣженцы ни откуда не получили пособій, несмотря на то, что союзъ городовъ рѣшилъ выдавать каждому бѣженцу по 20 коп. въ день. Только въ сентябрѣ было роздано по полпуда муки.

Въ настоящее время армяне Хнысскаго района ощущаютъ крайнюю нужду въ хлѣбѣ и одеждѣ.

Крестьяне принуждены продавать свой скотъ. Они отправляются въ Маназкертъ, покупаютъ по дорогой цѣнѣ пшеницу или ячмень, чтобы какъ-нибудь поддержать существованіе остатковъ своей семьи.

Необходимо позаботиться о возможно скорой отправкѣ сюда муки и теплаго платья. Необходимо также ускорить раздачу государственнаго пособія.

Армянскій центральный комитетъ мѣсяцъ назадъ открылъ здѣсь продовольственный складъ, но этотъ складъ до сихъ поръ не получилъ ни одного мѣшка муки. Два вагона муки, предназначенные для Хныса, задержались въ складѣ того же комитета въ Сарыкамышѣ, будто бы вслѣдствіе отсутствія перевозочныхъ средствъ.

Для мѣстныхъ армянъ нужно ежемѣсячно по 4,000 пуд. муки...

Необходимо также подумать о доставкѣ сюда сѣмянъ для засѣванія полей.

Въ Мушѣ.

«Оризону» сообщаютъ изъ Муша:

Получены свѣдѣнія, что въ незанятыхъ еще русскими войсками областяхъ Турецкой Арменіи много армянъ. Ихъ положеніе чрезвычайно тяжело. Курды звѣрски обращаются съ ними. Ѣсть нечего. Голодаютъ даже курды и турки. Дороговизна прямо-таки баснословная. Пшеницы совсѣмъ нѣтъ. Мѣра проса продается по 50—60 піастровъ.

Прибывшіе сюда бѣженцы всѣ нагіе и изможденные. Больше половины больныхъ. Нѣтъ возможности дать имъ хотя бы горячую пищу или теплое платье.

Ихъ отправляютъ въ Хнысъ.

Необходимо немедленно послать сюда пищевые продукты и теплую одежду.

Въ Сарыкамышѣ.

Незначительные остатки армянскаго населенія района Кыги, около 700 душъ, при содѣйствіи Московскаго Армянскаго комитета переселились въ Эрзерумъ и тамъ получаютъ пищу въ питательномъ пунктѣ союза городовъ.

Изъ Эрзерума сообщаютъ, что эти бѣженцы будутъ продолжать свой путь до предѣловъ Кавказа. Представители бѣженскаго отдѣла союза городовъ, армянскаго центральнаго комитета и московскаго Армянскаго комитета объединенными силами готовятся къ встрѣчѣ этихъ бѣженцевъ.

Въ Карсъ посланъ спеціальный уполномоченный для того, чтобы узнать, гдѣ можно будетъ разнѣстить ихъ.

Турецкія звѣрства.

Корреспондентъ «Петр. Вѣд.» даетъ нѣсколько штриховъ, характеризующихъ ужасную трагедію турецкихъ армянъ.

«Полкъ вышелъ въ поле и, пройдя съ версту небольшой равниной, достигъ опустѣвшаго села. Здѣсь былъ пригородный поселокъ, но сейчасъ отъ него остались обуглившіеся остатки. При входѣ, на высокомъ заборѣ—нѣсколько труповъ. Подходимъ ближе. Это, оказывается,—армяне-добровольцы, повидимому, развѣдчики, взятые въ плѣнъ турками. Несчастныхъ—всего одиннадцать человѣкъ. Всѣ они, съ вырѣзанными языками и выколотыми глазами, еще живыми были повѣшены за ноги... да такъ и закоченѣли. Нѣкоторые, умирая, безпомощно старались уцѣпиться за своихъ товарищей и застыли съ поднятыми какъ-то неестественно вверхъ головами. Кой-надъ кѣмъ—лужи замерзшей крови...

Солдаты молча проходятъ мимо и набожно крестятся. Отдается приказъ снять трупы и похоронить съ воинскими почестями.

Преслѣдовавшая врага наша кавалерія, вѣроятно, была уже здѣсь, но у нея не было времени возиться съ мертвыми. Таковы нравы кавказской войны...

Полкъ идетъ дальше.

«Дашнахцаганъ хумъ-мы налды псасу»,—несется гдѣ-то въ сторонѣ, и всѣ невольно настораживаются.

«Меркахъ чехъ парна мези испасе...
Андроникенъ кан юренгенъ геронъ...» *).

По слову «Андроникенъ» солдаты догадываются, что нагоняютъ дружину армянскихъ добровольцевъ. Въ общемъ, гортанный говоръ турецкихъ армянъ непривычному человѣку трудно отличить отъ языка самихъ турокъ, но армяне почти во всѣхъ своихъ пѣсняхъ обязательно вспоминаютъ своего вождя Андроника, и по этому имени наши солдаты догадываются, чей они слышатъ голосъ.

Не проходитъ и получаса, какъ намъ на встрѣчу показываются дружинники со своимъ знаменемъ: въ обмундированіи, съ берданками на плечахъ и кинжалами за поясами. Черезъ плечо—патронташи. Съ крикомъ «ура!» они проходятъ мимо насъ и идутъ куда-то въ сторону.

Вечерѣетъ. Полкъ останавливается на обѣдъ и отдыхъ. Странная вещь: вотъ мы уже прошли за цѣлый день ускореннымъ маршемъ по турецкой Арменіи верстъ 30 и не встрѣтили не только ни одного мѣстнаго жителя, ни армянина-мужчины,

*) Слова этой пѣсни корреспондентомъ переданы неправильно.—Ред.

но даже ни одной армянки, ни одного армянскаго дитяти! Не было ихъ и въ З. Прошли мы и нѣсколько селъ, совершенно пустыхъ. Намъ говорятъ, что до войны здѣсь были десятки тысячъ армянъ. Но гдѣ же они? Куда дѣлись? Неужели уничтожены?.. И не только мужчины, но и женщины, дѣвушки и даже дѣти, грудные младенцы?!..

При одной этой мысли сердце, закаленное въ бояхъ и рукопашныхъ схваткахъ, обливается кровью...».

На освобожденіе армянъ *).

На освобожденіе армянъ, оставшихся въ рукахъ турокъ и курдовъ, въ редакцію „Армянскаго Вѣстника" поступили слѣдующія пожертвованія:

1)	*отъ Г. А. Яревляна* (управляющій Армавирскимъ отд. Русскаго торг.-промыш. Банка) поступившіе къ нему отъ: Кавказскаго т-ва Гвоздильнаго и Каменнаго производства —360 руб., Н. Б. Каракашева 50 р. М. Б. Назарова — собранные въ домѣ Н. Мхитарова — 18 руб., неизвѣстнаго — 18 руб., Г. М. Мирзабекова — 18 руб. и Л. А. Тюфекчіевой — 18 руб., а всего	482 р. — к.
2)	*отъ Варвары Николаевны Егизарянъ* (Японія) собр. ею по списку, приведенному въ № 45 „Армян. Вѣстн"	300 р. — к.
3)	„ Евдокіи Ивановны Говодовой (Москва)	100 „ — „
4)	„ Акима Яковлевича Кузнецова (Тамбовъ)	25 „ — „
5)	„ Гини и Гриши Теръ-Минасянъ (Москва)	25 „ — „
6)	„ г-на М. И. П. (Одесса)	18 „ — „
7)	„ Петроса Цероновича Аладжалова (г. Нѣжинъ, Черниговск. губ.)	18 „ — „
8)	„ Студ. Моск. У-та Авака Амбарцумовича Исаакянъ—Саакянцъ (Елисаветполь)	5 „ — „
9)	„ Неизвѣстнаго	16 „ 02 „
	Итого	989 р. 02 к.
	Ранѣе поступило	15510 р. 98 к.
	Всего	16500 р. — к.

Питомцы Лазаревскаго института, павшіе на полѣ брани.

II.

Арамъ Ягубянцъ.

(Некрологъ).

На фронтѣ ген. Брусилова, во время майскихъ прорывовъ, былъ смертельно раненъ пулей въ животъ бывшій воспитанникъ Лазаревскаго института Арамъ Тевосовичъ Ягубянцъ. Покойный поступилъ въ институтъ въ 1908 г., въ 3-й классъ и въ первые же годы сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. Не было ни одного ученика какъ младшихъ, такъ и старшихъ классовъ, который не зналъ бы Арама какъ веселаго, добраго и отзывчиваго товарища и друга. Арамъ Ягубянцъ учился въ числѣ лучшихъ учениковъ и находилъ время заниматься музыкой, которую страстно любилъ. Его музыкальная дѣятельность въ институтѣ въ памяти у всѣхъ. Большой любитель музыки и талантливый музыкантъ, онъ игралъ значительную роль въ ученическомъ оркестрѣ. Послѣ того, какъ преподаватель музыки былъ призванъ на войну, Арамъ сразу замѣнилъ его и своей любовью къ искусству и неутомимой дѣятельностью поддерживалъ оркестръ на первоначальной высотѣ. «Гдѣ Арамъ, тамъ и весело»,—говорили про него, и дѣйствительно, чуть гдѣ соберется кружокъ товарищей, Арамъ ужъ тамъ, и принятъ, какъ любимый товарищъ, и ужъ досталъ изъ кармана губную гармонику (которую всегда носилъ съ собой), и играетъ на ней и веселитъ товарищей. Въ трудныя минуты пансіонской жизни многіе обращались къ Араму, и онъ—всегда веселый, какой-нибудь шуткой или остротой мигомъ разсѣивалъ хандру и вселялъ надежду на лучшіе дни. Пользовался Арамъ не только любовью товарищей, но также преподавателей и наставниковъ, которые видѣли въ немъ способнаго и симпатичнаго человѣка и отъ котораго можно было ожидать многое. Ягубянцъ окончилъ институтъ въ январѣ 1915 года и черезъ мѣсяцъ уѣхалъ въ родной городъ Нуху, гдѣ поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ запасныхъ батальоновъ. Черезъ нѣкоторое время Ягубянца перевели въ Пензу, а оттуда командировали въ московское Александровское военное училище. Въ сентябрѣ 1916 г. Ягубянцъ успѣшно окончилъ училище и въ чинѣ прапорщика былъ за-

Арамъ Ягубянцъ.

*) См. „Армянскій Вѣстникъ" № 45.

численъ въ полкъ. Черезъ 2 мѣсяца Ягубянцъ, получивъ роту въ пѣхотномъ Закатальскомъ полку, отправляется въ дѣйствующую армію, гдѣ около мѣсяца находится въ резервѣ, и только въ декабрѣ попадаетъ на передовыя позиціи. Про свою жизнь на фронтѣ Арамъ много писалъ товарищамъ. Бодрый тонъ писемъ, шутки, на которыя Арамъ былъ такой мастеръ, показывали, что Ягубянцу на фронтѣ подъ пулями такъ же весело и хорошо, какъ и вездѣ, гдѣ только онъ не бывалъ. Исключительно веселый, добрый, онъ и съ солдатомъ смогъ сойтись, полюбить его, какъ человѣка. Солдаты его роты были отъ него безъ ума, и какъ было не любить молодого офицера, который подробно интересовался ихъ жизнью, входилъ въ ихъ нужды, обращался съ ними по-отечески, былъ въ полномъ смыслѣ слова отцомъ-командиромъ. Помню я Арама въ Москвѣ на занятіяхъ. Солдаты охотно занимались съ нимъ часами и во время занятій старались какъ можно больше угодить командиру; но какъ только занятія кончались, Арамъ бралъ гармошку, самъ игралъ имъ трепака или комаринскаго, пускался съ ними вплясъ. Солдаты другихъ ротъ завидовали своимъ землякамъ и старались попасть въ роту Ягубянца. Когда же вышелъ приказъ отправляться Ягубянцу въ дѣйствующую армію, и ему было поручено составить сборную роту, солдаты спешили зачислиться къ нему, говоря: «Весело умирать за такого командира». Я самъ былъ свидѣтелемъ сценки, когда солдаты кидали между собой жребій, кому ѣхать съ Ягубянцомъ. Вотъ какъ любили и цѣнили солдаты Ягубянца! Въ полку, на фронтѣ Арамъ Ягубянцъ считался храбрымъ и дѣятельнымъ офицеромъ. О его дѣятельности на фронтѣ разсказывали, что онъ больше всѣхъ другихъ офицеровъ полка ходилъ на развѣдку, леталъ въ качествѣ наблюдателя на аэропланѣ. Во время наступленія на фронтѣ ген. Брусилова, Ягубянцу выпала задача преслѣдовать непріятеля, и во время одного изъ безпрерывныхъ боевъ онъ былъ смертельно раненъ. Вотъ что разсказываетъ братъ Арама, Тигранъ Ягубянцъ, также бывшій воспитанникъ института, о послѣднихъ дняхъ брата въ письмѣ къ Георгію Медвѣдеву.

«Я тебѣ вкратцѣ опишу,—пишетъ Тигранъ Ягубянцъ,—послѣднюю его дѣятельность на позиціи. Онъ прежде всего умеръ въ чинѣ штабсъ-капитана; у него были ордена св. Анны 4-й ст., св. Станислава и офицерскій георгіевскій крестъ за то, что во время развѣдки ручной гранатой сразу убилъ спрятавшихся четырехъ австрійцевъ и убилъ четырехъ изъ пяти напавшихъ на него мадьяръ, съ цѣлью его убить (пятаго закололъ денщикъ, находившійся неподалеку отъ Арама въ это время). 29-го іюня, утромъ, во время атаки Арамъ былъ раненъ въ лѣвую руку немного выше кисти, приблизительно, гдѣ пульсъ, послѣ чего имѣлъ полное право отправиться домой, но, несмотря на просьбы денщика, друзей-офицеровъ и полкового командира, онъ все же вечеромъ отправился въ бой, въ которомъ былъ смертельно раненъ въ животъ навылетъ, такъ что были повреждены внутренности. Въ этомъ бою онъ командовалъ 4-мъ батальономъ.

Черезъ два дня послѣ раненія, 1-го іюля, Арама Ягубянца не стало.

Передъ смертью, со словъ денщика, Арамъ много плакалъ и все время вспоминалъ брата Тиграна и сестру. Арамъ Ягубянцъ похороненъ 2 іюля въ деревнѣ Пшеволоки или Переволоки, недалеко отъ Бучача.

Свѣтлая память о немъ навсегда останется въ сердцахъ его товарищей и знакомыхъ.

Г. Парзянцъ.

БѢЖЕНЦЫ.

Призрѣніе дѣтей сиротъ бѣженцевъ армянъ.

(Докладъ завѣдующаго медицинской частью при Главноуполномоченномъ по устройству бѣженцевъ Кавказскаго фронта).

Главноуполномоченнымъ по устройству бѣженцевъ кавказскаго фронта, генераломъ В. М. Тамамшевымъ, разослана всѣмъ учрежденіямъ, вѣдающимъ пріютами для сиротъ на Кавказѣ, копія доклада завѣдующаго медицинской частью доктора А. Ф. Невтонова о пріютахъ-школахъ, въ которыхъ размѣщены сироты-бѣженцы. Такъ какъ названный докладъ представляетъ для нашихъ читателей большой интересъ, мы его приводимъ ниже цѣликомъ:

«Честь имѣю доложить вашему превосходительству, что мною при объѣздѣ Тифлисской, Эриванской и Елисаветпольской губерній для обслѣдованія медико-санитарныхъ учрежденій, обслуживающихъ бѣженцевъ, попутно были осмотрѣны и тѣ такъ называемые пріюты-школы, въ которыхъ размѣщены сироты-бѣженцы изъ различныхъ мѣстностей Турецкой Арменіи и изъ района Персіи, населенныхъ армянами. Полагая, что вопросъ о призрѣніи дѣтей-сиротъ въ ряду другихъ вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ бѣженцевъ, является однимъ изъ самыхъ важныхъ, я считаю долгомъ представить вашему вниманію какъ результаты моего обслѣдованія, такъ и тѣ мѣры, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало бы предпринять въ цѣляхъ улучшенія тѣхъ медико-санитарныхъ условій, въ которыхъ въ настоящее время находятся дѣти въ пріютахъ.

Въ г. Тифлисѣ пріюты находятся въ вѣдѣніи Армянскаго благотворительнаго общества. Сироты въ количествѣ около 800 размѣщены въ 8 пріютахъ, расположенныхъ на Верѣ и въ мѣстности, называемой «Ортачалы».

Самыми многолюдными изъ пріютовъ являются пріюты въ саду Цуринова на 120 дѣтей, Циранаурскій, въ оградѣ монастыря—180 дѣтей и на Верѣ о—ва «Нпастаматуйцъ»—150 дѣтей. Дѣти въ пріютахъ размѣщены очень тѣсно.

Въ Цуриновскомъ и Таировскомъ пріютахъ дѣти хотя и имѣютъ отдѣльныя койки, но послѣднія поставлены рядомъ, такъ какъ помѣщенія по размѣрамъ своимъ совершенно не соотвѣтствуютъ тому количеству дѣтей, какое поселено въ нихъ. Не говоря уже о томъ, что подобный способъ размѣщенія дѣтей слѣдуетъ считать недопустимымъ въ сексу-

альномъ и воспитательномъ отношеніяхъ, въ такихъ пріютахъ при чрезмѣрно густомъ населеніи нѣтъ возможности соблюдать должную чистоту, да и болѣзни при такихъ условіяхъ распространяются быстрѣе.

Не могу сказать, чтобы помѣщенія вполнѣ удовлетворяли своему назначенію. Это собственно дома-дачи и потому почти совсѣмъ не приспособлены къ зимнему жилью. Всюду приходится на зиму ставить желѣзныя печи, что является нежелательнымъ, такъ какъ подобнаго рода печи, быстро нагрѣвая воздухъ, сильно повышаютъ температуру воздуха въ комнатахъ, обусловливая тѣмъ самымъ большую разницу температуры между наружнымъ и комнатнымъ воздухомъ, могущую вызывать у дѣтей простудныя заболѣванія. Помимо этого такія желѣзныя печи представляютъ не малую опасность для маленькихъ дѣтей и требуютъ усиленія надзора за ними. По свидѣтельству врачебнаго персонала больницы, обслуживающей эти пріюты, въ прошлую зиму наблюдалось не мало случаевъ ожоговъ, полученныхъ дѣтьми отъ случайныхъ соприкосновеній съ раскаленными печами.

На обязанности врача, завѣдывающаго дѣтской больницей, лежитъ также и надзоръ за пріютами въ санитарно-врачебномъ отношеніи. Съ этой цѣлью врачъ 1—2 раза въ недѣлю обходитъ пріюты и производитъ поголовные осмотры дѣтей. Въ результатѣ одного осмотра, когда вмѣстѣ съ докторомъ Хатисовымъ дѣтей осматривалъ также приглашенный врачъ спеціалистъ по кожнымъ болѣзнямъ д—ръ Мзареуловъ, выяснилось, что во всѣхъ пріютахъ имѣется около 200 дѣтей, пораженныхъ паршой или чесоткой.

Такимъ образомъ, во всѣхъ пріютахъ, на ряду со здоровыми дѣтьми имѣются и больныя, которыя, оставаясь въ пріютахъ, служатъ источникомъ постоянной заразы.

Пищевой режимъ во всѣхъ пріютахъ одинаковъ: ѣдятъ дѣти четыре раза въ день. Утромъ чай съ хлѣбомъ, въ 11—12 час. завтракъ, потомъ обѣдъ и вечеромъ чай или кислое молоко, дѣтямъ слабымъ даются еще сверхъ того яйца или молоко.

Кромѣ тифлисскихъ, мною осмотрѣны дѣтскіе пріюты, находящіеся въ вѣдѣніи различныхъ благотворительныхъ обществъ въ Делижанѣ, Александрополѣ, Ново-Баязетѣ, Аштаракѣ, Эчміадзинѣ и Эривани.

Въ Делижанѣ имѣются 11 пріютовъ, въ которыхъ размѣщены свыше 800 дѣтей, сюда же направлены были сироты, эвакуированные изъ Вана. Пріюты, за исключеніемъ 2-го, находящагося въ казенномъ зданіи, помѣщаются въ домахъ-дачахъ, такъ же какъ и въ г. Тифлисѣ, съ тѣми же неудобствами въ смыслѣ житья зимой. Дѣти здѣсь также размѣщены на нарахъ крайне тѣсно: тамъ, гдѣ можно было бы помѣстить 70—80 дѣтей, какъ, напримѣръ, въ первомъ и второмъ пріютахъ, живутъ свыше 150 сиротъ. Помѣщенія, благодаря этому, вслѣдствіе затрудненія въ ихъ уборкѣ, оставались грязными. Большою скученностью дѣтей въ этихъ пріютахъ, слѣдуетъ объяснить также и то обстоятельство, что постельное бѣлье и платье дѣтей не отличалось должной чистотой. Не желая обременять вниманія вашего превосходительства подробнымъ описаніемъ состоянія остальныхъ пріютовъ для сиротъ, я позволю себѣ лишь замѣтить, что наиболѣе удовлетворительными въ смыслѣ помѣщенія и общаго благоустройства—слѣдуетъ считать пріюты въ г. Эривани, въ Александрополѣ и въ селеніи Аштаракѣ. Послѣдніе открыты Московскимъ Армянскимъ комитетомъ. Въ этихъ городахъ помѣщенія подъ пріюты выбраны наиболѣе цѣлесообразно, очень удачно подобранъ составъ завѣдующихъ и учительницъ, и вообще, въ дѣлѣ устроенія пріютовъ видна любовная внимательная заботливость и положено много труда. Къ сожалѣнію, не могу того же отмѣтить по отношенію къ пріютамъ, расположеннымъ въ Эчміадзинѣ и находящимся въ вѣдѣніи комитета Братской помощи. Здѣсь, главнымъ образомъ, недостатокъ сказывается въ отношеніи питанія дѣтей и врачебнаго надзора за пріютами. Пищевой режимъ, по словамъ завѣдующей, приблизительно такой: утромъ чай съ хлѣбомъ (хлѣбъ плохой, невыпеченный), въ 11 час. лобія или горохъ безъ масла: въ 2 часа обѣдъ изъ 1 блюда: 3 раза въ недѣлю супъ съ мясомъ, а 3 раза блюдо вегетаріанское, при чемъ каша бываетъ почти безъ масла; вечеромъ опять чай съ плохимъ хлѣбомъ.

Мяса на долю каждаго ребенка приходится меньше ¼ фунта. Молока и яицъ даже слабымъ дѣтямъ совсѣмъ не даютъ.

Врачъ, по словамъ той же завѣдующей, заходитъ въ пріюты самостоятельно очень рѣдко и не всегда является по приглашенію, когда бываетъ въ немъ какая-нибудь экстренная нужда.

Во всѣхъ пріютахъ почти безъ исключенія среди дѣтей мной отмѣчено большое количество больныхъ паршой и чесоткой. Помимо этихъ больныхъ, остающихся въ пріютахъ, еще и въ больницахъ бѣженскихъ во всѣхъ этихъ городахъ лежало тоже большое количество дѣтей съ кожными заболѣваніями. Такъ: въ Тифлисѣ—85, въ Эривани въ обѣихъ больницахъ—160, въ Делижанѣ—60, въ Эчміадзинѣ—70 и въ Александрополѣ тоже около 70.

Эти больные, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству, будучи помѣщены въ больницахъ, надолго лишаются того нравственнаго и умственнаго воздѣйствія со стороны воспитателей, которымъ они пользовались въ пріютахъ.

Я имѣлъ честь бесѣдовать по этому поводу съ его преосвященствомъ епископомъ Хореномъ въ Эривани и его высокопреподобіемъ архимандритомъ Артакомъ въ Александрополѣ и встрѣтилъ съ ихъ стороны полное сочувствіе къ идеѣ выдѣленія дѣтей съ кожными болѣзнями въ отдѣльные пріюты.

Такая мѣра, проведенная цѣлесообразно, по моему мнѣнію, совершенно прекратитъ дальнѣйшее распространеніе кожныхъ заболѣваній среди здоровыхъ дѣтей и въ то же время дастъ возможность дѣтямъ, больнымъ паршой и чесоткой, нормально развиваться въ обстановкѣ, необходимой для дѣтскаго возраста.

Дѣло больничнаго врачеванія, по моему мнѣнію, также выиграетъ отъ этой мѣры, такъ какъ въ настоящее время всѣ больницы переполнены дѣтьми съ кожными заболѣваніями, благодаря чему иногда приходится отказывать въ пріемѣ другимъ больнымъ бѣженцамъ.

Въ штатъ служащихъ въ пріютахъ, отведенныхъ для дѣтей, больныхъ паршой или чесоткой, слѣдуетъ ввести одного фельдшера и сестру милосердія, кото-

рые и оказывали бы подъ руководствомъ врача необходимую медицинскую помощь. Въ высшей степени желательно, чтобы врачи руководящіе врачеваніемъ въ этихъ пріютахъ, были бы спеціалистами по кожнымъ болѣзнямъ.

Въ этихъ пріютахъ обязательно должны быть устроены бани или ванныя помѣщенія».

Въ поискахъ сиротъ.

Объ осиротѣвшихъ племянникахъ студента Саркиса Воскерчьянъ (Армянск. Вѣстн. № 37—38) изъ полученныхъ до сихъ поръ редакціей писемъ уяснилось слѣдующее:

Послѣ убійства родителей турками, дѣти Шушеянцъ (6-лѣтній Васкенъ и 8-лѣтній Азатъ) жили у прабабушки Гюлзадѣ. За мѣсяцъ до завоеванія русскими войсками города Байбуртъ умерла бабушка. Дѣтьми сейчасъ же завладѣлъ одинъ военный изъ лазскаго племени; однако, скоро онъ покинулъ ихъ при отступленіи своего полка. И вотъ мѣстный гаймакамъ (градоначальникъ) за пять дней до завоеванія города, предлагаетъ двумъ единственнымъ армянкамъ, которымъ было позволено остаться въ городѣ, пріютить сиротъ, обѣщая при томъ выдавать субсидію на ихъ содержаніе.

Армянки, по разсказу одной изъ нихъ, отказались. О дальнѣйшей судьбѣ дѣтей ничего неизвѣстно. Дядя сиротъ убѣдительно проситъ лицъ, имѣющихъ добавочныя свѣдѣнія о нихъ, извѣстить редакцію.

Обзоръ печати.

Избіенія армянъ и Германія.

Швейцарскія газеты приводятъ весьма интересный рапортъ, адресованный учителями германской реальной школы въ Алеппо (въ Сиріи) министерству иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ отъ 8 октября 1915 года.

«Мы позволяемъ себѣ,—говорится въ этомъ документѣ,—почтительнѣйше довести до свѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ, что наше преподаваніе будетъ отнынѣ лишено всякаго моральнаго вліянія и не будетъ внушать никакого уваженія туземцамъ, если германское правительство не смягчитъ грубаго отношенія, которое здѣсь процвѣтаетъ къ сосланнымъ женщинамъ и дѣтямъ казненныхъ армянъ.

Сцены ужаса, которыя ежедневно происходятъ на нашихъ глазахъ у дверей школы, мѣшаютъ нашему преподаванію и кажутся глумленіемъ надъ человѣческими чувствами. Какъ мы можемъ въ классѣ читать съ нашими армянскими учениками всевозможныя нравственныя произведенія, какъ мы можемъ заниматься грамматикой нѣмецкаго языка, когда во дворахъ противъ нашей школы смерть коситъ голодныхъ людей, являющихся соотечественниками нашихъ учениковъ, когда на ихъ и на нашихъ глазахъ на землѣ валяются почти голыя женщины и другіе несчастные, которые испускаютъ послѣдніе вздохи среди окружающихъ ихъ труповъ и для которыхъ уже приготовлены могилы?!

Каждый разъ, когда сюда приводятъ двѣ или три тысячи здоровыхъ крестьянокъ изъ Арменіи, то отъ этого количества остается не болѣе 40 или 50 скелетовъ. Красивыя женщины дѣлаются жертвой разврата ихъ стражей. Некрасивыя же погибаютъ или отъ голода и жажды или отъ палочныхъ ударовъ. Ужасно видѣть, какъ эти несчастныя, умирающія отъ жажды и распростертыя у самой рѣки, не могутъ напиться воды. Европейцамъ не позволяютъ давать хлѣбъ этимъ несчастнымъ. Ежедневно за стѣны Алеппо уносится болѣе ста труповъ людей, умершихъ отъ голода.

И все это происходитъ предъ глазами высшихъ турецкихъ чиновниковъ! У нашей школы лежатъ 40 или 50 этихъ живыхъ скелетовъ, уже потерявшихъ разумъ и забывшихъ, какъ нужно ѣсть. Когда имъ даютъ хлѣбъ, то они равнодушно кладутъ его рядомъ съ собой и продолжаютъ стонать.

Такова, по мнѣнію туземцевъ, доктрина германцевъ, которую они здѣсь проводятъ. Мы боимся того, что германская честь пострадаетъ отъ этихъ преступленій, которыя останутся отнынѣ въ памяти восточныхъ народовъ. «Германцы,—говорятъ самые развитые среди здѣшнихъ обитателей,—можетъ быть, не хотятъ этихъ жестокостей и, можетъ быть, о нихъ не знаютъ: иначе, какъ же правдивые германцы допускаютъ, чтобы въ газетахъ появлялись статьи съ требованіемъ гуманнаго отношенія къ армянамъ, обвиняющимся въ государственной измѣнѣ? Но, можетъ быть, германское правительство связано какими-либо договорами съ Турціей?».

Когда рѣчь идетъ о тысячахъ беззащитныхъ и осужденныхъ на голодъ женщинъ и дѣтей,—говорится далѣе въ рапортѣ,—то всякіе договоры теряютъ свое значеніе. Всякій культурный человѣкъ въ подобномъ случаѣ имѣетъ священное право вмѣшаться. Рѣчь идетъ о нашемъ престижѣ на Востокѣ. Даже турки и арабы съ сожалѣніемъ качаютъ головой, когда видятъ, какъ на улицахъ города грубые солдаты бьютъ беременныхъ женщинъ, неспособныхъ итти. Здѣсь готовятся ужасающія человѣческія гекатомбы, что видно изъ приказа Джемаля-паши: «Запрещается инженерамъ Багдадской желѣзной дороги,—говорится, между прочимъ, въ этомъ приказѣ,—фотографировать армянскіе транспорты. Всѣ фотографическія пластинки, уже использованныя съ этой цѣлью, должны быть представлены властямъ въ 24 часа, подъ угрозой преслѣдованія военнымъ судомъ». Этотъ документъ указываетъ, что турецкое правительство боится огласки, но не желаетъ покончить съ звѣрскими дѣяніями, позорящими человѣчество.

Мы знаемъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, получило уже подробныя донесенія объ этомъ положеніи вещей здѣсь. Но такъ какъ до сихъ поръ не произошло ни малѣйшаго

улучшенія, то мы считаемъ себя вдвойнѣ обязанными сдѣлать эту попытку, такъ какъ здѣсь, въ чужой странѣ, ясно отдаемъ себѣ отчетъ въ очень большой опасности, которая угрожаетъ германскому престижу».

Слѣдуютъ подписи директора Губера, доктора Нипажа, доктора Кретера и М. Спикера.

По поводу этого рапорта и личности доктора Кретера извѣстный швейцарскій профессоръ А. Форель выражается слѣдующимъ образомъ въ «Berner Tagwacht»:

«Германское министерство иностранныхъ дѣлъ получило этотъ документъ въ октябрѣ 1915 года, но, тѣмъ не менѣе, утаило его. Въ то время, какъ подписавшіеся подъ рапортомъ не побоялись отвѣтственности, я счелъ бы свое молчаніе подлостью. Я знаю много лѣтъ доктора Эдуарда Кретера какъ честнаго человѣка, готоваго на всѣ жертвы, чтобы отстоять правое дѣло. Поэтому тутъ не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы имъ руководили другіе мотивы, кромѣ желанія отстоять правое дѣло».

Всякіе комментаріи къ этому рапорту, разумѣется, излишни. Факты, сообщаемые имъ, возбуждаютъ непреоборимый ужасъ. Нужно только удивляться тому, что германцы готовы молчать при видѣ такихъ ужасовъ.

«Возможно, что это нужно для германской стратегіи,—говоритъ профессоръ,—находящейся нынѣ въ большомъ затрудненіи. Но мы, нейтральныя націи, обязаны громко протестовать противъ подлаго истребленія цѣлаго народа, которое напоминаетъ жестокіе нравы хищныхъ животныхъ».

***

Римскій корреспондентъ газеты «Южный Край», г. Первухинъ помѣстилъ въ этой газетѣ интересную корреспонденцію подъ заглавіемъ «Заговорившіе камни». Въ этой статьѣ описывается трагическое положеніе армянъ-выселенцевъ, а также роль Германіи въ избіеніяхъ армянъ:

«По старой англійской легендѣ—случилось однажды чудо: слѣпой Бэда—проповѣдникъ, думая, что онъ говоритъ людямъ, обратился съ трогательной рѣчью къ бездушнымъ камнямъ. И, вотъ,—камни отозвались на пламенѣвшую вѣрой рѣчь слѣпого Бэды.

Нѣчто подобное случилось и въ наши дни: творимые въ Турціи съ беззащитными армянами ужасы заставили задрожать каменныя души нѣмцевъ. Не выдержали нервы даже у интеллектуальныхъ палачей, осудившихъ на гибель злосчастный армянскій народъ.

Что гибель армянъ была хладнокровно рѣшена Берлиномъ, что именно Берлинъ выработалъ во всѣхъ деталяхъ планъ истребленія армянскаго племени и только предоставилъ туркамъ исполненіе этого плана, оставивъ за собой право контроля надъ исполненіемъ,—давно уже установлено документально. Но одного Берлинъ не предусмотрѣлъ: онъ думалъ, что турки просто истребятъ армянъ, а турки оказались людьми съ необузданной творческой фантазіей. Истребленіе сотенъ тысячъ армянъ они обратили въ пріятное развлеченіе, въ грандіозное кровавое зрѣлище. Какъ истинные любители драматическаго искусства, они, насколько возможно, растягивали наслажденіе щекотавшимъ ихъ нервы зрѣлищемъ мучительнѣйшей агоніи армянскаго племени. Они разнообразили методы и способы, они дѣлали интервалы, антракты,—то ли для отдыха, то ли для исполненія другихъ дѣлъ, и потомъ снова и снова возвращались домучивать еще уцѣлѣвшія кучки армянъ.

Вслѣдствіе этого у безпримѣрной армянской трагедіи, у агоніи цѣлой націи оказалось слишкомъ много постороннихъ зрителей. У преступленія, задуманнаго съ холоднымъ расчетомъ Берлиномъ и осуществленнаго съ рабьей угодливостью и съ восторгомъ сладострастниками жестокости—турками,—оказалось слишкомъ много свидѣтелей изъ постороннихъ людей.

Недавно въ Америку проникла вѣсть:

— Вымариваемые голодомъ армяне въ концентраціонныхъ лагеряхъ доведены до такого состоянія, что, обезумѣвъ, питаются трупами товарищей. Ѣдятъ человѣчину.

Слѣдомъ въ швейцарскую печать проникъ вопль двухъ свидѣтелей творимыхъ турками надъ армянами ужасовъ. И этими «заговорившими камнями» оказались—два нѣмца, одинъ германскій подданный, одинъ швейцарскій. И ихъ патентованныя каменныя души, и ихъ нервы-канаты не выдержали. Люди заговорили, потому что сами дошли до такого состоянія подъ вліяніемъ кошмарныхъ картинъ:

— Или закричи, или самъ сойдешь съ ума!

Я говорю о письмѣ, полученномъ изъ Турціи знаменитымъ швейцарскимъ психіатромъ Форелемъ. О письмѣ нѣмецкаго учителя школъ въ Алеппо Нейперга и его товарища, швейцарца Гратера, тоже педагога. Письмо это полностью опубликовано на страницахъ офиціальнаго органа швейцарской соціалъ-демократіи, на страницахъ германофильствующей газеты «Фольксъ-рехтъ».

Если добавить, что редакція этого органа почти цѣликомъ состоитъ изъ людей, получившихъ образованіе и воспитаніе въ германской школѣ, отъ людей, которые все время подчеркиваютъ свои симпатіи по адресу Германіи и до сихъ поръ упорно отстаиваютъ тезисъ крайней гуманности германскихъ пріемовъ веденія войны, а-пріори отвергаютъ сплошь почти всѣ обвиненія нѣмцевъ въ жестокости,—то мы съ полнымъ правомъ сможемъ сказать, что, дѣйствительно, наконецъ, и камни заговорили!

Опубликованный швейцарской соціалистической газетой документъ заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ, но, къ сожалѣнію, этого не позволяетъ мѣсто. Приведу изложеніе вкратцѣ.

Вышеупомянутые педагоги-европейцы заявляютъ, что ихъ педагогическая дѣятельность въ Турціи теряетъ и совершенно потеряетъ почву, если германское гуманное правительство не вмѣшается и своимъ вмѣшательствомъ не заставитъ Турцію прекратить звѣрства, творимыя турецкими властями надъ женщинами и дѣтьми армянъ. Если эти звѣрства будутъ продолжаться, то туземцы, т.-е. сами же турки и особенно арабы,—потеряютъ всякое уваженіе къ Германіи.

—При видѣ тѣхъ звѣрствъ, которыя ежедневно происходятъ на нашихъ глазахъ,—пишутъ, нако-

нецъ-то почувствовавшіе укоры совѣсти педагоги,—наша воспитательная дѣятельность обращается въ издѣвательство и насмѣшку надъ всѣмъ, что можетъ быть названо человѣческимъ. Мы спрашиваемъ,—какъ мы, учителя, можемъ читать нашимъ питомцамъ лекціи, когда у порога школы расправляется со своими жертвами смерть, и когда соплеменники, а то и сородичи нашихъ учениковъ, дѣти, женщины, дѣвушки,—нагими валяются среди гніющихъ труповъ и наскоро сколоченныхъ гробовъ. Изъ двухъ или трехъ тысячъ женъ армянскихъ селяковъ, которыя были согнаны въ Алеппо, сейчасъ остается всего сорокъ или пятьдесятъ въ живыхъ. Но и эти покуда пощаженныя смертью обратились въ живые скелеты. Бывшія среди этихъ несчастныхъ молодыя и красивыя женщины всѣ безъ исключенія были отданы на потѣху часовымъ, сторожившимъ лагерь. И онѣ погибали, замученныя насильниками. Женщины старыя или некрасивыя,—тѣхъ заколачивали дубины сторожей, тѣхъ умерщвляли голодъ и жажда. Въ двухъ шагахъ имѣется вода въ изобиліи. Но этимъ несчастнымъ отказывали въ водѣ. Если кто изъ постороннихъ пытался снабдить ихъ водой,—того по меньшей мѣрѣ отгоняли побоями, а то и забивали. Изъ сконцентрированныхъ въ Алеппо армянъ ежедневно умираетъ больше ста человѣкъ, не вынесши мученій. Возлѣ нашей школы, въ спеціальной загородкѣ сейчасъ находятся пятьдесятъ еще уцѣлѣвшихъ, но обратившихся въ скелеты женщинъ. Онѣ изголодались до такой степени, что уже разучились ѣсть. Если кто-нибудь, сжалившись надъ ними, даетъ имъ корку хлѣба,—онѣ остаются равнодушными. Хлѣбъ валяется рядомъ съ умирающими отъ голода. Лежатъ, еле шевелясь: ждутъ избавляющей отъ мученій смерти.

Туземное населеніе въ массѣ твердитъ:

— Такъ поступать съ армянами турокъ научили нѣмцы.

Люди, болѣе разумные и болѣе уравновѣшенные,—тѣ не желаютъ вѣрить, что Германія желала подобныхъ ужасовъ. И даже думаютъ, что Германія не знаетъ о томъ, что эти ужасы творятся.

Можетъ быть,—Германія въ этомъ отношеніи чувствуетъ свои руки связанными какими-либо спеціальными условіями? Но каждый культурный человѣкъ, который видитъ эти ужасы, имѣетъ право и обязанъ вмѣшаться. На карту поставленъ германскій престижъ. Даже арабы, даже турки качаютъ головой, видя, какъ при проходѣ транспортовъ съ переселяемыми армянами озвѣрѣлые солдаты добиваютъ прикладами немогущихъ уже держаться на ногахъ армянскихъ женщинъ, часто—беременныхъ.

Близокъ ли конецъ этимъ ужасамъ? О, нѣтъ! Турки собираются ихъ продолжать. Ожидаются новые и новые транспорты армянъ. Джемаль-паша недавно офиціально воспретилъ инженерамъ, работающимъ на постройкѣ багдадской желѣзной дороги, дѣлать фотографическіе снимки съ армянскихъ карвановъ. Это доказываетъ, что турецкое правительство боится опубликованія правды, принимаетъ мѣры, чтобы не допустить документированія творимыхъ звѣрствъ.

Авторы письма изъ Алеппо адресовали свое письмо германскому министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ концѣ письма имѣется указаніе, что, по свѣдѣніямъ авторовъ, германское министерство уже раньше было освѣдомлено обо всемъ, ими разсказываемомъ.

Этотъ документъ имѣетъ огромное значеніе. Съ одной стороны, онъ доказываетъ, что совершающееся въ Турціи надъ армянами перешло всѣ границы, а съ другой,—это страшная улика противъ Германіи. Сами нѣмцы удостовѣряютъ:

— Туземное населеніе, въ лицѣ даже арабовъ, даже турокъ,—оно вѣритъ свято въ то, что всѣ эти расправы съ армянами, весь этотъ процессъ истребленія цѣлой націи,—производится по желанію Германіи, по ея требованію, по ея инструкціямъ.

Даже турки—и тѣ стыдятся принять на себя отвѣтственность за эти неслыханныя злодѣянія и возлагаютъ эту отвѣтственность на Германію.

На ту страну, императоръ которой при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ взываетъ къ Богу, призываетъ благословеніе Божіе на свои дѣянія, вымаливаетъ у Неба побѣдъ Германіи во имя служенія завѣтамъ гуманности.

Нѣмцы же, свидѣтели гибели армянъ,—говорятъ своему кайзеру:

— Насъ, учителей, заставляютъ учить дѣтей Турціи быть честными, человѣколюбивыми, и на глазахъ у этихъ нашихъ дѣтей, подъ наблюденіемъ турецкаго чиновничества и турецкаго офицерства,—идетъ разбойничій грабежъ, совершаются неслыханныя звѣрства надъ беззащитными, умирающими отъ голода и жажды женщинами. А наши ученики, которыхъ мы обязаны воспитывать—искренно убѣждены, что все это дѣлается по желанію пославшей насъ сюда Германіи.

Болѣе убійственнаго обвиненія противъ народа-Каина, противъ націи-убійцы, противъ Германіи,—выдвинуть невозможно!».

Армянская пресса.

Подготовка интеллигентныхъ силъ.

Журналъ «Ванъ-Тоспъ» возбуждаетъ вопросъ о необходимости теперь же приступить къ подготовкѣ интеллигентныхъ силъ, въ которыхъ Арменія будетъ сильно нуждаться послѣ войны.

„Для цѣлесообразной постановки дѣла возстановленія разоренной Турецкой Арменіи необходимо намъ теперь же серьезно подумать о рядѣ животрепещущихъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ. Въ числѣ этихъ вопросовъ вопросъ о подготовкѣ интеллигентныхъ силъ, которыя въ большомъ количествѣ будутъ необходимы послѣ окончанія войны для возстановленія Арменіи, является самымъ важнымъ. Педагоги, сельскіе хозяева, архитектора, доктора, юристы, землемѣры — вотъ тѣ силы, которыя должны будутъ содѣйствовать въ будущемъ дѣлу этого возстановленія. Всѣ такія силы, имѣвшіяся у насъ въ Турецкой Арменіи, сдѣлались жертвами турецкаго ятагана; оставшіяся же въ незначительномъ количествѣ въ томъ или въ другомъ краю интеллигентныя лица представляютъ незначительную силу въ сравненіи съ громадной предстоящей работой, и силы эти притомъ сейчасъ разрознены. Часть ихъ находится въ Америкѣ, другая въ Европѣ, Россіи. Необходимо принять незамедлительно мѣры для подготовки этихъ силъ. Нужно создать при органахъ, работающихъ для бѣженцевъ, особый органъ, который дол-

женъ будетъ заняться спеціально и исключительно этимъ дѣломъ; органъ этотъ долженъ позаботиться о подготовкѣ оставшейся турецкой армянской молодежи къ предстоящей въ Арменіи большой работѣ. Подготовку эту можетъ получить молодежь въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи или заграницей. Въ настоящее время, напр., на Кавказѣ проживаетъ въ достаточномъ количествѣ турецкая армянская молодежь; многіе изъ этой молодежи имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, эти свидѣтельства даютъ имъ право на поступленіе въ высшія заграничныя учебныя заведенія. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей, по окончаніи курса въ эчміадзинской Академіи, въ Нерсесянъ и въ другихъ семинаріяхъ, могутъ поступать если не въ высшія учебныя заведенія Россіи, то, по крайней мѣрѣ, въ такія же заведенія, находящіяся за границей. Предлагаемый нами органъ долженъ позаботиться обо всемъ этомъ. Онъ долженъ изыскать, прежде всего, конечно, матеріальныя средства. Нужно привлечь къ этому дѣлу интеллигентныя силы. Нужно сорганизовать его такъ, чтобы была возможность ежегодно, въ продолженіе 8—18 лѣтъ, держать въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 100—200 молодыхъ людей изъ турецкихъ армянъ. Армянское общество не должно жалѣть денегъ для такого большого дѣла. Проектируемый нами органъ долженъ называться «Организація помощи учащимся студентамъ изъ турецкихъ армянъ». Въ составъ его должны войти свободныя интеллигентныя армянскія силы, не связанныя съ дѣлами существующихъ армянскихъ организацій, заботящихся о бѣженцахъ"

Къ армяно-грузинскимъ отношеніямъ.

Оскорбленіе, нанесенное недавно армянскому народу въ лицѣ гласнаго батумской городской думы г. Мндояна, вызвало взрывъ негодованія въ грузинскомъ обществѣ.

«Первое доказательство своего добрососѣдскаго сердечнаго отношенія къ армянамъ—говоритъ «Оризонъ» въ передовой статьѣ—дали гласные грузины батумской городской думы, которые, какъ мы слышали, дружно поддержали своего городского голову, когда послѣдній выступилъ съ протестомъ противъ нанесенной армянамъ обиды. Второе доказательство дали предсѣдатель батумскаго биржевого комитета кн. Накашидзе, членъ того же комитета г. Мдивани и другіе его товарищи, которые, собравшись на экстренное совѣщаніе, постановили: 1) выразить свое негодованіе по поводу возмутительнаго случая съ г. Мндояномъ и 2) при помощи спеціальной делегаціи довести этотъ случай до свѣдѣнія Государственной Думы.

Причиной возмущенія нашихъ сосѣдей является, конечно, не только то, что какой-то офицеръ для испробованія своей физической силы не нашелъ другого болѣе благороднаго средства, чѣмъ нанесеніе пощечины общественному дѣятелю, но и то, что этотъ офицеръ позволилъ себѣ циничное оскорбленіе по адресу своихъ сосѣдей—всего армянскаго народа, трагическое положеніе котораго во всѣхъ порядочныхъ людяхъ должно было бы вызвать иное отношеніе. Именно поэтому протесты грузинъ вдвойнѣ цѣнны для насъ.

Наконецъ, одно изъ прекраснѣйшихъ доказательствъ добрососѣдской сердечности было дано грузинами на послѣднемъ засѣданіи тифлисской городской думы. Гласный Рамишвили выступилъ на этомъ засѣданіи съ горячимъ протестомъ по поводу батумскаго происшествія и предложилъ городской думѣ выразить свое соболѣзнованіе и г. Мндояну и армянскому народу. Дума единогласно приняла это предложеніе. И, такимъ образомъ, въ Тифлисѣ также наши сосѣди грузины подчеркнули свое добрососѣдское отношеніе къ армянскому народу.

Указанные нами факты приводятъ насъ къ заключенію, что попытки шовинистовъ вызвать вражду между армянами и грузинами коснулись только поверхности взаимныхъ отношеній этихъ народовъ и не поколебали глубинъ ихъ добрососѣдскихъ чувствъ. И это понятно. Та внутренняя и нерѣдко инстинктивно интимная близость, которая существуетъ между грузинскимъ и армянскимъ народами, связанными судьбой, и которая является послѣдствіемъ вѣкового сосѣдства и сотрудничества, не могла безслѣдно исчезнуть въ одно или два десятилѣтія, вслѣдствіе какихъ-нибудь нелѣпыхъ споровъ.

Несмотря на это, мы не забываемъ однако, что между грузинами и армянами есть нѣсколько вопросовъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ остаются до сихъ поръ открытыми и содѣйствуютъ, благодаря этому, возбужденію страстей и ухудшенію ихъ взаимныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе мы вѣримъ, что рано или поздно, эти вопросы будутъ рѣшены, рѣшены справедливо и согласно интересамъ обоихъ народовъ. Эта наша вѣра проистекаетъ изъ той внутренней интимной близости этихъ народовъ, которая, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія, живетъ въ нихъ и которая столь прекрасно выразилась по поводу батумскаго происшествія...».

ХРОНИКА АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ.

Земскій законопроектъ въ совѣтѣ Намѣстника.

На состоявшемся 23 ноября второмъ засѣданіи совѣта Намѣстника по вопросу о введеніи земства въ Закавказьѣ были разсмотрѣны первыя семь статей законопроекта. По ст. 2 совѣтъ высказался за желательность дѣятельнаго участія земства въ завѣдываніи продовольственнымъ дѣломъ на мѣстахъ, но въ виду незаконченнаго еще пересмотра устава народнаго продовольствія принялъ пунктъ 3-й этой статьи въ редакціи земскаго положенія 1890 года. Затѣмъ совѣтъ постановилъ пополнить перечень предметовъ вѣдѣнія земства вопросами объ устройствѣ телефоновъ, о страхованіи отъ градобитія, наводненій, эпизоотіи и поврежденій, причиняемыхъ вредными животными, насѣкомыми и грибными болѣзнями, о принятіи практическихъ мѣропріятій, объ устройствѣ мѣстъ лѣченія воздухомъ, минеральными водами, грязями и морскими купаньями, объ оказаніи платной юридической помощи населенію и объ устройствѣ народныхъ домовъ и развлеченій. По ст. 5-й совѣтъ нашелъ цѣлесообразнымъ временно сохранить надзоръ за законностью и правильностью постановленій земскихъ собраній съ тѣмъ, чтобы по истеченіи первыхъ двухъ трехлѣтій дѣятельности земства, главное кавказское начальство внесло въ законодательныя учрежденія предположенія свои о предѣлахъ надзора на дальнѣйшее время. Остальныя статьи (6-я и 7-я) приняты совѣтомъ безъ измѣненій по существу, съ редакціонными лишь поправками; вопросъ объ участіи земства въ завѣдываніи воднымъ хозяйствомъ отложенъ на засѣданіи 25 ноября

Совѣтъ Намѣстника въ третьемъ засѣданіи своемъ по вопросу о закавказскомъ земствѣ разсмотрѣлъ статьи 8—21 законопроекта; большая часть этихъ статей принята съ редакціонными лишь поправками.

Детальному обсужденію былъ подвергнутъ возникшій общій вопросъ о порядкѣ надзора за дѣятельностью земскихъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи совѣтъ пришелъ къ выводу, что надзоръ на мѣстахъ долженъ быть осуществленъ губернаторами

единолично, что въ учрежденіи губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій необходимости не представляется и что разсмотрѣніе опротестованныхъ губернаторомъ постановленій губернскихъ земскихъ собраній правильнѣе всего сосредоточить въ совѣтѣ Намѣстника.

Затѣмъ совѣтъ согласился принять въ основаніе земскаго избирательнаго права налоговый 15-рублевый цензъ, основанный на обладаніи недвижимымъ имуществомъ съ пониженіемъ его для нѣкоторыхъ уѣздовъ края до 10 руб. и до 5 руб. По отношенію къ сельчанамъ, входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ и одновременно имѣющимъ земельные участки единоличнаго владѣнія, совѣтъ нашелъ нужнымъ установить, что они могутъ баллотироваться въ гласные, какъ по первому, такъ и по третьему избирательному собранію.

25 ноября въ четвертомъ засѣданіи совѣта Намѣстника по вопросу о введеніи земства въ Закавказьѣ были разсмотрѣны статьи 21—49 законопроекта. Совѣтъ принялъ предположеніе о раздѣленіи всѣхъ земскихъ избирателей на 3 куріи: первую, состоящую изъ владѣльцевъ земельныхъ недвижимостей всѣхъ сословій; вторую—изъ владѣльцевъ городскихъ недвижимостей, торговыхъ, фабричныхъ и промышленныхъ предпріятій, уплачивающихъ 2% земскій сборъ, представителей ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ обществъ и др., и третью курію, состоящую изъ выборщиковъ отъ сельскихъ обществъ. Всѣ три избирательныя собранія, по ходатайствамъ земскихъ управъ, или по представленіямъ губернаторовъ, могутъ быть раздѣляемы Намѣстникомъ на отдѣленія. Порядокъ составленія избирательныхъ списковъ и производство выборовъ согласованы съ правилами, дѣйствующими во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. Предсѣдательствованіе въ тифлисскомъ и кутаисскомъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ предполагается предоставить губернскимъ предводителямъ дворянства, а въ остальныхъ губернскихъ собраніяхъ—одному изъ губернскихъ гласныхъ, по назначенію Намѣстника. Кромѣ избранныхъ гласныхъ, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ участвуютъ уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ, начальникъ управленія земледѣлія, депутатъ отъ православнаго духовенства, по нѣкоторымъ губерніямъ инспекторъ удѣльныхъ имѣній, или его представитель, депутатъ отъ армянскаго духовенства и депутатъ отъ мусульманскихъ духовныхъ лицъ. По дѣламъ своего лишь вѣдомства въ составъ губернскихъ земскихъ собраній входятъ управляющій казенной палатой и представители инспекціи водъ, управленій рыбными промыслами и горнаго. По вопросу объ участіи земскихъ учрежденій въ дѣлахъ воднаго хозяйства совѣтъ Намѣстника призналъ нужнымъ предоставить земствамъ право: 1) ознакомленія со всѣми общими предположеніями инспекціи водъ, касающимися развитія ирригаціоннаго хозяйства данной губерніи, и 2) избранія представителей отъ земства въ совѣты выборныхъ воднаго округа, съѣздъ инженеръ-гидравликовъ, окружныя присутствія и главное присутствіе по опредѣленію правъ пользованія водой. 26 ноября, въ пятомъ засѣданіи совѣта, были заслушаны статьи 50—76, касающіяся круга вѣдомства, состава и порядка занятій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Статьи эти, въ большей своей части, повторяютъ постановленія, изложенныя въ земскихъ положеніяхъ 1864 и 1890 гг. По отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ совѣтъ нашелъ полезнымъ ввести нѣкоторыя измѣненія въ законопроектъ. Такъ, при устройствѣ выставокъ признано нежелательнымъ ограничивать земства обязанностью допускать экспонаты только мѣстнаго производства. Равнымъ образомъ сочтено правильнымъ расширить компетенцію земскихъ учрежденій относительно изданія таксъ не только для легкового извозного промысла, но и для нѣкоторыхъ перевозокъ клади по сухопутнымъ, прибрежно-морскимъ и рѣчнымъ путямъ. Составъ губернскихъ поземельно-раскладочныхъ присутствій предположено пополнить членами-плательщиками, по выбору земскихъ собраній. Обязательное направленіе дѣлъ о концессіяхъ на заключеніе земскихъ учрежденій признано излишнимъ, въ виду принадлежащаго земствамъ общаго права возбуждать ходатайства по дѣламъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Чрезвычайныя земскія собранія предоставляется управамъ созывать въ томъ же порядкѣ, какъ и очередныя. Въ случаѣ недостаточнаго знанія государственнаго языка отдѣльными гласными уѣздныхъ земскихъ собраній, допускается произнесеніе ими рѣчей на родномъ языкѣ, но съ немедленнымъ обязательнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ состоящимъ при уѣздномъ земскомъ собраніи переводчикомъ.

Армянскій комитетъ въ Царицынѣ на Волгѣ.

Въ Царицынѣ существуетъ дамскій армянскій комитетъ помощи жертвамъ войны (главнымъ образомъ—бѣженцамъ армянамъ), но фактически онъ ничего почти не дѣлаетъ, и о существованіи его мало кто знаетъ.

Комитету не мѣшало бы созвать общее собраніе и представить ему отчетъ о своей дѣятельности. Въ частности, на собраніи этомъ слѣдовало бы поднять вопросъ либо о полномъ перензбраніи членовъ комитета, либо дополненія нынѣшняго его состава новыми членами.

Комитетъ нуждается въ энергичныхъ людяхъ. Только они и смогли бы оживить его дѣятельность.

«Волго-Донской Край».

Дамскій комитетъ въ Самарѣ.

Проживающими въ Самарѣ мѣщ. г. Нахичевани Р. Л. Дучаевой и О. Г. Исаевой предполагается организовать самарскій армянскій дамскій комитетъ попеченія о бѣженцахъ. Въ настояще время ими собрано разныхъ вещей для дѣтей сиротъ бѣженцевъ болѣе 3 пудовъ, которые предположено направить въ тифлисскій армянскій комитетъ.

«Волжское Слово».

Концертъ М. Миримановой въ Петроградѣ.

(*Отъ нашего корреспондента*).

Въ понедѣльникъ 14-го ноября въ Маломъ залѣ петроградской консерваторіи состоялся первый кон-

цертъ нашей соотечественницы Маргариты Мириманововой. Программа, составленная изъ произведеній классиковъ и современныхъ композиторовъ, требовала въ техническомъ отношеніи большей отдѣлки, законченности.

Извѣстная по трудности Chaconne Баха-Бузони въ передачѣ концертантки не оставила должнаго впечатлѣнія, вслѣдствіе не вполнѣ удачной педализаціи,—задачи не изъ легкихъ въ произведеніяхъ полифоническаго стиля.

Въ сочиненіяхъ Шопена, болѣе соотвѣтствующихъ ея музыкальнымъ и техническимъ даннымъ, піанистка на этотъ разъ не блеснула присущей ей легкостью и прозрачностью передачи.

Болѣе другихъ удались B-moll'ный прелюдъ и F-moll'ный этюдъ, сыгранный на bis, по просьбѣ публики. Мило прозвучали сказка F-moll Метнера и 2 эскиза къ русской азбукѣ въ картинкахъ Бенуа, муз. Н. Черепнина. Концертный вальсъ Глазунова-Блюменфельда, требующій виртуозной передачи, въ исполненіи концертантки оказался нѣсколько блѣднымъ.

M-lle Мириманова, несомнѣнно, владѣетъ фортепіаннымъ стилемъ и, надо думать, что при дальнѣйшей серьезной работѣ займетъ почетное положеніе въ музыкальномъ мірѣ.

С. Б.

МОСКВА.

Телеграммы московскихъ армянскихъ организацій по поводу смерти С. Тараяна и А. Езекяна.

Общество инженеровъ армянъ города Москвы отправило въ Тифлисъ на имя редакціи газеты «Мшакъ» телеграмму слѣдующаго содержанія: «Общество инженеровъ армянъ города Москвы выражаетъ глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины общественныхъ дѣятелей Езекяна и Тараяна. Переводимъ сто рублей вмѣсто вѣнковъ и просимъ передать Комитету».

Касса Взаимопомощи учащихся армянъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы» отправила въ Тифлисъ, въ редакцію газеты «Мшакъ», слѣдующую телеграмму: «Московское армянское студенчество скорбитъ по поводу смерти двухъ скромныхъ тружениковъ на нивѣ общественной дѣятельности—Седрака Тараяна и Аветика Езекяна».

Панихида по Аветикѣ Езекянѣ и Седракѣ Тараянѣ.

Въ воскресенье, 4-го декабря, въ армяно-григоріанской Крестовоздвиженской церкви, по иниціативѣ редакціи «Армянскаго Вѣстника», состоялась послѣ обѣдни панихида по скончавшимся недавно въ Тифлисѣ армянскимъ литераторамъ и общественнымъ дѣятелемъ Аветикѣ Езекянъ и Седракѣ Тараянъ. На панихидѣ присутствовали члены редакціи «Армянскаго Вѣстника», церковнаго совѣта, Армянскаго Комитета, Армянскаго Дамскаго Комитета, Общества инженеровъ-армянъ города Москвы, инспекторъ Лазаревскаго института К. Костанянъ, преподаватели и ученики Лазаревскаго института, студенты, курсистки и мног. др.

К. Б Кусикянъ.
(Къ годовщинѣ со дня кончины).

Приватъ-доцентъ Л. З. Мсеріанцъ.

Въ число приватъ-доцентовъ московскаго университета по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія зачисленъ бывшій ординарный профессоръ варшавскаго университета докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія Л. З. Мсеріанцъ, читавшій въ варшавскомъ университетѣ также «исторію древняго Востока».

Л. З. Мсеріанцъ окончилъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ и историко-филологическій факультетъ московскаго университета, при которомъ былъ оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ затѣмъ состоялъ преподавателемъ Лазаревскаго института, въ которомъ читалъ сравнительное языковѣдѣніе и древне-иранскіе языки. Приватъ-доцентомъ московскаго университета онъ былъ еще въ 1893 году. Будучи избранъ варшавскимъ университетомъ экстраординарнымъ профессоромъ, онъ изъ московскаго университета перешелъ туда; впослѣдствіи былъ тамъ ординарнымъ профессоромъ, оставилъ эту должность и вернулся въ московскій университетъ, гдѣ вновь зачисленъ приватъ-доцентомъ.

По поводу болѣзни Александра Цатуріана.

Редакція «Армянскаго Вѣстника» получила 4 декабря отъ Геворга Чубара изъ Нахичевани теле-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ

на ежедневную литературную, общественную и политическую газету

„АРЕВЪ“

IV-й годъ изданія.

Газета будетъ издаваться при увеличенномъ составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ направленіи.

Подписная цѣна.

	Въ Баку.	Въ Россіи.	За гран.
На 1 мѣс.	1 р. 25 к.	1 р. 50 к.	— р.
„ 2 „	2 р. — к.	2 р. 50 к.	— р.
„ 3 „	3 р. — к.	3 р. 50 к.	4 р.
„ 4 „	4 р. — к.	4 р. 25 к.	— р.
„ 5 „	4 р. 50 к.	5 р. — к.	— р.
„ 6 „	5 р. — к.	5 р. 50 к.	7 р.
„ 7 „	5 р. 50 к.	6 р. 50 к.	— р.
„ 8 „	6 р. 50 к.	7 р. 50 к.	— р.
„ 9 „	7 р. 50 к.	8 р. 50 к.	10 р.
„ 10 „	8 р. — к.	9 р. — к.	— р.
„ 11 „	8 р. 50 к.	9 р. 50 к.	— р.
„ 12 „	9 р. — к.	10 р. 50 к.	12 р.

Допускается разср. плат. 1) Къ 1 янв. 4 р. — 4 р.
2) Къ 1 июн. 3 р. — 4 р.
3) Къ 1 сен. 2 р. — 2 р.

За перемѣну адреса—40 коп., можно почтовыми марками.

Подписная плата принимается съ перваго числа каждаго мѣсяца, до 31 дек. включит. нумера „Аревъ“ въ отдѣльной продажѣ какъ въ конторѣ, такъ и у газетчиковъ продаются по 6 коп. Сельскимъ священникамъ, учителямъ и школамъ при подпискѣ на цѣлый годъ дѣлается скидка въ размѣрѣ 10% съ подписной цѣны. Конторамъ и книжнымъ магазинамъ дѣлается скидка въ размѣрѣ 5%.

Адресъ конторы и редакціи: „Аревъ“, Баку, Большая Морская, № 30, ред. газ. „Аревъ“.
Bakou, Redaction „Arev“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

„МШАКЪ“

(46-й годъ изданія).

Подписная цѣна въ Россіи:

На 12 и 11 м. 12 р.		10 мѣс. 11 р.	9 мѣс. 10 р.	8 мѣс. 9 р.	7 мѣс. 8 р.
6 мѣс. 7 р.	5 мѣс. 6 р.	4 мѣс. 5 р.	3 мѣс. 3 р. 75 к.	2 мѣс. 2 р. 50 к.	1 мѣс. 1 р. 25 к.

За границу (въ Америку, Европу, Индію, Персію и Абиссинію), на годъ—**16** рублей, на полгода—**9** руб., на мѣс.—**2** руб.

Допускается разсрочка платежа для годовыхъ подписчиковъ: въ началѣ года—**5** руб., къ 1-му мая—**4** руб., къ 1-му сент.—**3** руб., или въ началѣ—**7** руб., и къ 1-му іюля **5** рублей.

Объявленія принимаются на всѣхъ языкахъ. Плата за объявленія на Кавказѣ: на первой стр. за строку петита—**20** к., на последней—**10** коп., внѣ Кавказа на перв. стр.—**25** к., на посл.—**15** к. За перемѣну адреса **50** коп.

„МШАКЪ“ имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ Москвѣ, Петроградѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ, Істрѣ, Бухарестѣ, Калькуттѣ, Новой-Джульфѣ, Тегеранѣ, Казвинѣ, Тавризѣ, въ городахъ Закаспійскаго края, въ Ванѣ, Эрзерумѣ, Трапезундѣ, Эрзингянѣ и повсемѣстно на Кавказѣ.

Адресъ: Тифлисъ, редакція „МШАКЪ“.
Tiflis, Rèdaction du journal „MSCHAK“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 ГОДЪ

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ОРИЗОНЪ“

9-й годъ изданія.

Подписная цѣна. На годъ,—12 руб., на полгода—7 руб., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

За границу: на годъ—15 руб., на полгода—8 руб., на 1 мѣс.—1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа для годовыхъ подписчиковъ: въ началѣ года—7 рублей, къ 1-му іюня—5 рублей.

За перемѣну адреса—40 коп. (можно марками) съ указаніемъ стараго адреса.

Газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ Петроградѣ, Москвѣ, Нахичевани Н/Д., Тегеранѣ, Ванѣ, Эрзерумѣ, Трапезундѣ, Эрзингянѣ, въ крупныхъ центрахъ Европы и Америки, а также повсемѣстно на Кавказѣ.

Адресъ: Тифлисъ, редакція „ОРИЗОНЪ“.
Tiflis, Russie, Rèdaction „Orizon“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ

НА ГАЗЕТУ

„КАВКАЗСКОЕ СЛОВО“

III-й годъ изданія.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

„КАВКАЗСКОЕ СЛОВО“ печатаетъ статьи по вопросамъ общаго характера и мѣстнымъ, телеграммы Агентства и собственныхъ корреспондентовъ изъ главнѣйшихъ центровъ, сообщенія собственныхъ корреспондентовъ въ отдѣлѣ „По Кавказу“, письма изъ столицъ, изъ Франціи, Англіи, Турціи, Персіи, Швейцаріи и съ фронта.

Подписная цѣна на газету: для иногороднихъ подписчиковъ, на 12 м.—12 р., 11 м.—11 р. 50 к., 10 м.—10 р. 75 к., 9 м.—10 р., 8 м.—9 р., 7 м.—8 р., 6 м.—7 р., 5 м.—6 р., 4 м.—5 р., 3 м.—4 р., 2 м.—3 р., 1 м.—2 р. За-границу вдвое.

Подписываться можно на любой изъ объявленныхъ сроковъ, но не иначе, какъ съ перваго числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка подписной платы лишь для годовыхъ подписчиковъ, при условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты. Пользующіеся разсрочкой уплачиваютъ: При подпискѣ—5 р., къ 1-му марта—4 р., къ 1-му мая—3 р. Книжнымъ магазинамъ и кіоскамъ, принимающимъ подписку, 5% скидки. За перемѣну адреса: городского на иногородный—1 р., иногород. на иногородн.—60 к.

Редакція и контора: Тифлисъ, Барятинская, 6.

Плата за объявл. за стр. пет. для мѣстн. объявл. до текста 20 к., послѣ тек. 10 к., для иног. объявл. до тек. 40 к., послѣ тек. 20 к. Миним. разм. объявл. 10 стр. За многокр. объявл. скидка. Объявл. лицъ ищущ. труда (не болѣе 10 стр.), послѣ тек.—по 50 к. и въ 5 стр. 30 к. Объявленія принимаются въ конторѣ газеты, а также въ главной конторѣ Д. И. Марковскаго—Петроградъ, Невскій, 46, и въ отдѣленіи въ Одессѣ, Дерибасовская, 13.

СПЕЦІАЛИСТЪ ПО АРМЯНСКОМУ ЯЗЫКУ и ЛИТЕРАТУРѢ, имѣющій солидныя рекомендаціи, желаетъ получить урокъ за комнату. (Желательно въ центрѣ). Позвонить 3-53-92. Саркису Ивановичу.

Москва. Типографія Московскаго Т-ва Н. Л. Казецкаго, Мясницкая, д. № 20.